

Эксперт- криминалист

№ 3
2020

Федеральный научно-практический журнал

Издается с 2005 г.

Учредитель: Издательская группа «Юрист»

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия
Пер. ПИ № ФС77-52166 от 19 декабря 2012 г.

Периодичность — 4 номера в год

Главный редактор:

Комиссарова Я.В.

Редакционный совет:

Ковалев А.В., Леканов Ю.И.,
Пинчук П.В., Смирнова С.А.,
Токарев П.И., Шишко А.В.,
Алиев Б.А. (Азербайджан),
Крайникова М. (Словакия),
Малевски Г. (Литва).

Главный редактор ИГ «Юрист»:

Гриб В.В.

Заместители главного редактора:

Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование и корректура:

Швечкова О.А.

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 — многоканальный

Отдел работы с авторами:

avtor@lawinfo.ru,
тел. (495) 953-91-08

Адрес редакции/издателя:

115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7
<http://www.lawinfo.ru>

Подписной индекс по каталогам:

«Почта России» — П1798,
«Объединенный каталог»
«Пресса России» — 91912

Формат 60x90/8. Печать офсетная.
Физ.печ.л. — 5. Усл.печ.л. — 5.
Общий тираж 1000 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая группа».
248031, г. Калуга, п. Северный, ул. Светлая,
д. 2. Тел. (4842) 70-03-37
ISSN 2072-442X

Номер подписан 13.08.2020.
Номер вышел в свет 20.08.2020.

Опубликованные статьи выражают мнение их авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Полная или частичная перепечатка авторских материалов без письменного разрешения редакции преследуется по закону.

Вниманию наших авторов! Отдельные материалы журнала размещаются в электронной правовой системе «КонсультантПлюс». Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) **eLIBRARY.RU**

Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

- Абсатаров Р.Р., Козлова Е.Л., Холопова Е.Н.** Использование идентификационных систем в раскрытии и расследовании преступлений.....3
- Ильин Н.Н.** Проблемы классификации судебных экспертиз.....6
- Кузовлев В.Ю.** К вопросу об установлении экспертным путем обстоятельств изготовления и производства психоактивных веществ8
- Майков С.Ю., Хмельёва А.В.** К вопросу о совершенствовании законодательства, касающегося сроков производства судебных экспертиз 11
- Савицкий А.А.** Актуальные проблемы производства судебных экспертиз в негосударственных судебно-экспертных учреждениях по уголовным делам 13
- Яковлев Г.Д., Яковлев Д.Ю.** Использование термического метода для выявления следов рук на чековой ленте 16

Трибуна — КРИМИНАЛИСТАМ БЕЛАРУСИ

- Берестень В.И.** Правовое обеспечение судебно-экспертной деятельности: теория и практика..... 18
- Бушкевич Н.С., Дедковский А.А.** Противодействие использованию криптовалют в преступных целях: состояние, тенденции, перспективы..... 21
- Зорин Р.Г., Талецкий Н.С.** Осмотр места происшествия и «экспертная инициатива» 24
- Пасовец Е.Ю., Рыбак С.В.** О некоторых направлениях совершенствования пожарно-технической экспертизы..... 27
- Романюк Д.А., Самойлов Э.И.** Пути совершенствования защиты прав подозреваемого, обвиняемого при назначении судебной экспертизы в ходе предварительного расследования 30
- Ропот Р.М., Рубис А.С.** Эксперт — тот, кто знает, чего не знаем мы, или кто знает то, что мы должны знать? 33
- Швед А.И.** Результаты проверки эффективности новой государственной политики Республики Беларусь в сфере судебно-экспертной деятельности..... 36

- РЕЦЕНЗИЯ** на монографию В.В. Яровенко, Н.Н. Китаева, Р.Г. Ардашева «Дактилоскопическое и дерматоглифическое исследование папиллярных узоров серийных убийц» (Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2020. 232 с.) 39

Forensics analyst

Federal science-practice journal

No. 3
2020

Published from 2005

Founder: Jurist Publishing Group

REGISTERED AT THE FEDERAL SERVICE FOR THE MONITORING OF COMPLIANCE WITH THE LEGISLATION IN THE SPHERE OF MASS COMMUNICATIONS AND PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE REG. PI No. FC77-52166 of December 19, 2012.

Published quarterly

Editor in Chief:

Komissarova Ya.V.

Editorial Board:

Kovalev A.V., Lekanov Yu.I.,
Pinchuk P.V., Smirnova S.A., Tokarev P.I.,
Shishko A.V., Aliev B.A. (Azerbaijan),
Krajnikova M. (Slovakia),
Malevski G. (Lithuania).

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V.

Deputy Editors in Chief:

Babkin A.I., Bely'kh V.S., Renov E.N.,
Platonova O.F., Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A.

Editorial Subscription Centre:

(495) 617-18-88 — multichannel

Authors' Department:

avtor@lawinfo.ru
(495) 953-91-08

Editorial office / publisher:

Bldg. 7, 26/55 Kosmodamianskaya Emb.
Moscow, 115035
<http://www.lawinfo.ru>

Subscription in Russia:

Russian Post. Digital Catalogue — П11798,
United Catalogue.
Russian Press — 91912

Size 60x90/8. Offset printing.

Printer's sheet — 5.

Conventional printed sheet — 5.

Circulation 1000 copies. Free market price.

Printed by National Printing Group Ltd.

Bldg. 2, street Svetlaya, settlement Severnij, Kaluga,
248031. Tel. (4842) 70-03-37

ISSN 2072-442X

Passed for printing 13.08.2020.

Issue is printed 20.08.2020.

The articles express opinions of their authors which do not necessarily coincide with the viewpoint of the editorial office of the journal. All rights reserved. Complete or partial reproduction of authors' materials without prior written permission of the Editorial Office shall be subject to legal persecution.

Attention our authors! Certain materials of the journal shall be placed at legal system "ConsultantPlus". Journal is included in the database of the Russian Science Citation Index **eLIBRARY.RU**

Included into the list of leading reviewed scientific journals and periodicals, where basic scientific results of doctoral and candidate theses shall be published.

CONTENTS

Absatarov R.R., Kozlova E.L., Kholopova E.N.

The Use of Identification Systems in the Detection and Investigation of Crimes..... 3

Ilyin N.N. Problems of Forensic Examination Classification..... 6

Kuzovlev V.Yu. On the Issue of the Expert Identification of the Circumstances of the Production and Manufacture of Psychoactive Substances..... 8

Maykov S.Yu., Khmeleva A.V. On the Issue of the Improvement of Laws Relating to the Terms of Forensic Examinations 11

Savitskiy A.A. Current Problems of Forensic Examinations in Non-State Forensic Institutions on Criminal Cases 13

Yakovlev G.D., Yakovlev D.Yu. Thermal Method Use for the Detection of Handprints on a Receipt Tape 16

TRIBUNE — TO BELARUSIAN CRIMINALISTS

Beresten V.I. The Legal Support of Forensic Activities: The Theory and Practice..... 18

Bushkevich N.S., Dedkovskiy A.A. Combating the Use of Cryptocurrencies for Criminal Purposes: The State, Trends, Prospects..... 21

Zorin R.G., Taletskiy N.S. Crime Scene Examination and Expert Initiative 24

Pasovets E.Yu., Rybak S.V. On Some Areas of the Improvement of Fire Investigation..... 27

Romanyuk D.A., Samoylov E.I. Ways to Improve the Protection of Rights of the Suspect Accused in the Appointment of Judicial Examination in the Course of Preliminary Investigation..... 30

Ropot R.M., Rubis A.S. Is the Expert the One Who Knows Something We Don't Know or Who Knows Something We Shall Know?..... 33

Shved A.I. Results of the Verification of Efficiency of the New State Policy of the Republic of Belarus in Forensic Activities 36

REVIEW of the Monograph by V.V. Yarovenko, N.N. Kitaev, R.G. Ardashev "Dactyloscopic and Dermatoglyphic Examination of Fingerprints of Serial Killers" (Ulan-Ude : Publishing House of the Buryat State University, 2020, 232 s.)..... 39

Использование идентификационных систем в раскрытии и расследовании преступлений^{*,**}

Абсатаров Роман Рифович,

преподаватель кафедры криминалистики
Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета
Министерства внутренних дел Российской Федерации
karelia.abc@rambler.ru

Козлова Елена Лорисовна,

старший преподаватель кафедры криминалистики
Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук
k_elena1979@mail.ru

Холопова Елена Николаевна,

профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики
Юридического института Балтийского федерального университета имени И. Канта,
доктор юридических наук, кандидат психологических наук, профессор
elchol@mail.ru

В статье раскрывается значение использования ДНК-анализа для обеспечения национальной безопасности. Кратко описаны его преимущества при розыске без вести пропавших, установлении личности неопознанных трупов. Отмечены отдельные недостатки использования данного метода биометрической регистрации на практике. Обоснована необходимость объединения идентификационных систем личности в единую систему криминалистической регистрации.

Ключевые слова: идентификация личности, дактилоскопическая, геномная, биометрическая регистрация, базы данных.

The article reveals the significance of using a DNA analysis in the provision of national security. It briefly describes its advantages in searching for missing persons, the identification of unidentified corpses. The article specifies disadvantages of using this method of biometrical registration in practice. It substantiates the need to consolidate person identification systems into a single system of criminal registration.

Keywords: person identification, dactyloscopic, genomic, biometrical registration, databases.

Современный этап развития криминалистики характеризуется совершенствованием теоретических и прикладных основ изучения и использования свойств личности при раскрытии и расследовании преступлений. Это связано с развитием биологии (прежде всего, с исследованиями генотипа человека и созданием технологии ДНК-анализа), внедрением компьютерных технологий в практику борьбы с преступностью и, как следствие, обновлением идентификационных систем: дактилоскопической, геномной и биометрической. Каждая из систем позволяет устанавливать личность с помощью различных баз данных, содержащих те или иные сведения о субъекте (например, следы папиллярных узоров или ДНК-информацию).

Системы идентификации личности различаются по правовому регулированию. С этой точки зрения одна и та же технология может быть использована по-разному, в зависимости от ситуации. Так, ДНК-анализ, кроме уголовного судопроизводства, востребован в гражданском процессе (например, при разрешении споров об отцовстве), а также при установлении жертв стихийных бедствий, катастроф и т.п.

В ст. 11 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» раскрыто понятие «биометри-

ческие персональные данные» как сведений, характеризующих физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность. Приказом МВД России от 27 ноября 2017 г. № 889 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по оформлению и выдаче паспортов гражданина Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации, содержащих электронный носитель информации» урегулирован порядок оформления биометрического документа — паспорта со специализированным микрочипом, на котором в электронном виде сохранена персональная информация о владельце. Целью введения в оборот на территории Российской Федерации данного биометрического паспорта явилось обеспечение миграционной безопасности. Однако система биометрической регистрации на законодательном уровне не закреплена.

Все три идентификационные системы личности (дактилоскопическая, геномная, биометрическая) используются правоохранительными органами при решении оперативно-служебных задач. Однако применение относительно новых методов идентификации (геномная и биометриче-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта «Этико-правовые принципы геномных исследований: пределы вмешательства в права человека» № 18-29-14015/19.

** The Use of Identification Systems in the Detection and Investigation of Crimes

Absatarov Roman R., Lecturer of the Department of Criminalistics of the Kaliningrad branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

Kozlova Elena L., Senior Lecturer of the Department of Criminalistics of the Kaliningrad branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, PhD (Law)

Kholopova Elena N., Professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Legal Informatics of the Law Institute of the Immanuel Kant Baltic Federal University, LL.D., PhD (Psychology), Professor

ская) связано с определенными проблемами. Ученые справедливо отмечают, что накопление геномной информации имеет ряд правовых и структурных пробелов, что не в полной мере позволяет использовать ее возможности для установления личности граждан, не способных сообщить сведения о себе, и неопознанных трупов¹.

Работе по установлению личности неопознанных трупов правоохранительные органы уделяют особое внимание. Наряду с традиционными приемами — опросами, проверками по дактилоскопическому учету, распространению ориентировок, опознаниями, широко применяется метод геномной идентификации. Зачастую ДНК-анализ оказывается практически в четыре раза — до 17 894 дел.

Одним из преимуществ ДНК-анализа является его высокая чувствительность. Даже по небольшому количеству слюны, крови можно провести идентификацию. Кроме того, молекулы ДНК обладают достаточно высокой устойчивостью к воздействиям окружающей среды. Данный метод незаменим при установлении личности неопознанных трупов, когда при расследовании преступлений другими способами получить положительный результат не получается.

Так, например, при установлении личности неопознанных трупов СУ СК России по Хабаровскому краю у родственников лиц, пропавших без вести, проводился отбор биологических образцов слюны. В ходе проведения сравнения данных образцов с ДНК-профилем неопознанных трупов в одном случае было установлено совпадение генетического профиля неопознанного трупа мужчины, обнаруженного в Ульчском районе Хабаровского края, с генетическим профилем мужчины, у которого пропал сын. Такое установление является уникальным, так как правовые основания постановления на геномный учет лиц, у которых пропали близкие родственники, отсутствовали. Забор биологического материала осуществлялся с их согласия.

Розыск без вести пропавших лиц — еще одно важное направление деятельности органов внутренних дел России. Согласно данным, полученным в ходе исследования, проведенного одним из соавторов (Р.Р. Абсатаровым), ежегодно в нашей стране разыскивается более 70 тыс. человек. По состоянию на сентябрь 2019 г. в России разыскивались 45 328 без вести пропавших лиц. За данный период времени было разыскано 11 402 человека, что составляет около 25% от общего числа разыскиваемых. И в этом случае можно говорить об успешном использовании ДНК-анализа.

Генетический профиль лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, а также всех категорий преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, неустановленных лиц, биологический материал которых изъяты в ходе производства следственных действий, неопознанных трупов кодируется в федеральной базе данных геномной регистрации «Ксенон-2» ЭКЦ МВД России, которая функционирует с 1 февраля 2018 г. База обеспечивает оперативный доступ к ин-

формационному массиву, быстрый поиск и сопоставление данных ДНК в целях идентификации. Единицами хранения объектов являются электронные информационные карты, содержащие ДНК-профиль. В настоящее время они делятся на следующие формы: «ИК-2» — биологические следы; «ИКЛ» — проверяемые лица; «2-ДНК» — лица, осужденные и отбывающие наказание в виде лишения свободы.

Следует отметить, что сотрудники экспертных подразделений (далее — ЭКП), осуществляющие кодирование и ввод данных в базу «Ксенон-2», сами не проводят отбор биологического материала у живых лиц, неопознанных трупов.

Руководители учреждений отбывания наказания организуют получение биологического материала (слюны) у осужденных, чей ДНК-профиль должен быть поставлен на учет. В дальнейшем образцы с обращением направляются на исследование в региональные ЭКП. После проведения исследования выделенный ДНК-профиль кодируется, проверяется по учету ДНК-профилей неустановленных лиц, биологический материал которых изъят при проведении следственных действий, и ставится на учет. Следует отметить, что за достоверность сведений о персональных данных лиц, биологический материал которых был отобран в учреждениях исполнения наказания, отвечает их руководитель.

Отбор биологического материала у неопознанных трупов осуществляют сотрудники учреждений по проведению судебно-медицинской экспертизы. Если смерть наступила относительно недавно, то для получения генетического профиля отбирают кровь, в противном случае — фрагмент кости (как правило, фрагмент нижней челюсти). Исследование биологического материала проводят на базе учреждений по производству судебно-медицинских экспертиз. После проведения исследования информация о ДНК-профиле заносится в информационную карту «ИК-2», которая направляется для постановки на учет в базу данных «Ксенон-2».

В настоящее время законодателем ограничен круг лиц, ДНК-профиль которых подлежит обязательной регистрации. Вместе с тем обязательная геномная регистрация всего населения страны позволила бы не только значительно снизить количество нераскрытых преступлений, но и повысить эффективность установления личности по неопознанным трупам.

Процедуру прохождения такой регистрации, на наш взгляд, целесообразно проводить при рождении ребенка (в родильных домах). Часть забранной крови новорожденных можно было бы направлять для получения ДНК-профиля ребенка с последующим помещением его в ФБГИ «Ксенон-2», а затем использовать полученные данные для оформления генетического паспорта.

В соответствии с действующим законодательством добровольная геномная регистрация должна проводиться учреждениями судебно-медицинской экспертизы, входящими в государственную систему здравоохранения, совместно с подразделениями органов внутренних дел на основании письменного заявления и за счет средств заявителя. Однако до настоящего времени не определен порядок постановки на учет ДНК-профилей лиц, желающих пройти добровольную геномную регистрацию.

Следует отметить, что при исчезновении родственников у гражданина при проведении проверочных мероприятий отбирают биологический материал (кровь, слюна) для выделения ДНК-профиля. Полученный ДНК-профиль проверяется по базе данных «Ксенон-2». В случае отрицательного результата образец генетического профиля лица, у которого пропал родственник, в соответствии с

требованиями закона, не ставится учет. Это значит, что при обнаружении неопознанного трупа после проведения такой проверки и занесения его генетического профиля в базу данных необходимо проводить повторные проверки. А это не всегда возможно.

Имеющиеся недоработки негативно сказываются на статистике прекращения дел в связи с установлением личности граждан по неопознанным трупам. В последние годы прослеживается тенденция снижения этого показателя. Например, в 2014 г. были прекращены 8900 таких дел, а в 2018 г. всего 3768.

В тех случаях, когда у пропавшего без вести лица отсутствуют близкие родственники, в ходе осмотра мест проживания пропавших могут быть изъяты личные вещи, предметы, на которых предположительно находятся биологические следы. К изъятию данных предметов следует подходить тщательно, внутренняя поверхность упаковочного материала, а также внешняя поверхность одноразовых перчаток не должны быть «загрязнены» биологическим материалом лица, проводящего изъятие. Несоблюдение данных правил может привести к тому, что в базе данных «Ксенон-2» будет размещен образец генетического профиля сотрудника, проводившего отбор предметов, вещей. В отличие от обязательной дактилоскопической регистрации, сотрудники правоохранительных органов законодательно не подлежат геномной регистрации, поэтому нельзя исключить того, что часть генетических профилей, находящихся в базе данных «Ксенон-2», может принадлежать лицам, проводившим изъятие биологических следов.

Такая ситуация не характерна для дактилоскопического учета. Пригодные для идентификации следы рук проверяются по всему массиву дактилоскопической информации, в том числе на предмет их оставления сотрудниками полиции. В случае установления такого совпадения след руки не ставится на учет, а база данных «не засоряется» ненужной информацией. Поэтому мы полагаем целесообразным внести в круг лиц, подлежащих обязательной геномной регистрации, сотрудников правоохранительных органов.

В настоящее время молекулярно-генетическая экспертиза (в ЭКП данный вид экспертизы проводится в рамках «Экспертизы тканей и выделений человека, животных»²) занимает важное место в работе по идентификации без вести пропавших лиц. Успех ее проведения зависит от ряда факторов, в числе которых следует отметить правильный выбор объекта исследования, соблюдение условий его изъятия и хранения. Если расширить круг лиц, подлежащих обязательной геномной регистрации (ставить на учет родственников лиц, пропавших без вести с их письменного согласия, сотрудников правоохранительных органов), то повысится эффективность использования ФБДГИ «Ксенон-2» в розыске без вести пропавших граждан, установлении личности граждан, которые не могут сообщить о себе сведения, неопознанных трупов.

Таким образом, существующие идентификационные системы личности уникальны, портрет неизвестного преступника или неустановленного трупа может быть более информативным, если будет содержать и следы папиллярных узоров, и генетические данные, и описание статических и динамических признаков, особые приметы. При таких обстоятельствах, как представляется, необходимо объединение трех видов учетов в единую интегрированную систему, что приведет не просто к накоплению имеющейся в них информации, а к формированию базы, содержащей в

систематизированном виде криминалистически значимую информацию о личности.

В России существует сложная система ведомственных банков данных, содержание которых связано со следовой информацией преступной деятельности. Указанные банки данных поддаются криминалистической структуризации, что позволит внедрить в практику единую интегрированную сеть не только правоохранительных, но и контрольных, надзирательных органов для получения комплексных сведений об интересующих объектах.

Одним из этапов создания единой системы криминалистической регистрации является программа «Создание единой информационно-телекоммуникационной системы органов внутренних дел» (ЕИТКС), в основе которой лежит обеспечение сотрудников органов внутренних дел реальной и достоверной оперативно-разыскной, справочной и криминалистически значимой информацией, реализуемой МВД России с 2005 г. Данная система доступна для всех правоохранительных органов на территории России.

Также необходимо создание межгосударственного информационного банка данных криминалистически значимой информации, который позволит на международном уровне с международными полицейскими организациями обмениваться информацией и совместно использовать интегрированные базы данных, содержащие биометрическую информацию³.

Создание единой системы криминалистической регистрации на территории Российской Федерации, а впоследствии ее интеграция (в разумных пределах) с международными базами данных упростит обмен информацией на межгосударственном уровне, что позволит повысить эффективность борьбы с преступностью, в том числе ее транснациональным сегментом.

Литература

1. Абсатаров Р.Р. Противоречия в деятельности государственных учреждений и пути их решения / Р.Р. Абсатаров // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1 (55). С. 134–138.
2. Барковская Е.Г. Концепция создания криминалистических учетов на основе баз данных биометрии человека / Е.Г. Барковская // Общество и право. 2009. № 1 (23). С. 273–281.
3. Исмаилов Ч.М. Безвестное исчезновение как признак преступления и как повод уголовной проверки / Ч.М. Исмаилов // Российский следователь. 2014. № 2. С. 21–25.
4. Надоненко О.Н. Особенности реализации федеральной программы геномной регистрации / О.Н. Надоненко // Юридический мир. 2015. № 1. С. 33–36.
5. Холопова Е.Н. Добровольная геномная регистрация в Российской Федерации (проблемы практики) / Е.Н. Холопова, А.А. Иванова // Эксперт-криминалист. 2019. № 1. С. 15–18.

¹ См., напр.: Исмаилов Ч.М. Безвестное исчезновение как признак преступления и как повод уголовной проверки // Российский следователь. 2014. № 2. С. 22; Надоненко О.Н. Особенности реализации федеральной программы геномной регистрации // Юридический мир. 2015. № 1. С. 34; Холопова Е.Н., Иванова А.А. Добровольная геномная регистрация в Российской Федерации (проблемы практики) // Эксперт-криминалист. 2019. № 1. С. 15–18.

² Абсатаров Р.Р. Противоречия в деятельности государственных учреждений и пути их решения // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1 (55). С. 134–138.

³ Барковская Е.Г. Концепция создания криминалистических учетов на основе баз данных биометрии человека // Общество и право. 2009. № 1 (23). С. 273–281.

Проблемы классификации судебных экспертиз*

Ильин Николай Николаевич,

заведующий кафедрой судебно-экспертной и оперативно-разыскной деятельности
Московской академии Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук
nick703@yandex.ru

Появление новых объектов, видоизменение существующих могут привести к укрупнению рода экспертизы и выделению его в отдельный класс. Каждая область знаний требует их унификации и дифференциации. Анализ литературы показывает, что класс биологических экспертиз представлен в противоречии с пониманием биологии как комплексной науки о живых организмах. В этой связи автором предпринята попытка разграничить и изменить классы судебно-биологических и судебно-медицинских экспертиз. Также в статье нашли отражение авторские наработки, касающиеся классификации транспортно-технических судебных экспертиз.

Ключевые слова: биология, медицина, судебная экспертиза, судебно-биологическая экспертиза, транспортно-технические судебные экспертизы, классификация.

The emergence of new objects and changes in the existing ones may lead to the enlargement of the branch of expertise and its separation into a specific class. Each area of knowledge requires its unification and differentiation. The literature analysis shows that the class of biological examinations is represented in contradiction to the understanding of biology as a complex science on living organisms. In this connection, the author tries to differentiate and change the classes of forensic biological and forensic medical examinations. The article also reflects author's materials on the classification of transport and technical forensic examinations.

Keywords: biology, medicine, forensic examination, forensic biological examination, transport and technical forensic examinations, classification.

К вопросам классификации судебных экспертиз в последнее десятилетие обращаются многие ученые в области криминалистики и судебной экспертизы. В настоящее время научное сообщество придерживается классификации судебных экспертиз, предложенной А.Р. Шляховым, в соответствии с которой все экспертизы подразделяются на классы, роды, виды и разновидности (подвиды)¹. Однако основания существующей классификации по-прежнему являются предметом научных дискуссий².

Например, Е.И. Майорова пишет, что судебно-биологическая экспертиза отличается от других общепринятых классов и родов экспертиз в той мере, в какой биология отличается от других фундаментальных наук³. Определяющую роль в этом процессе играет интеграция и дифференциация научного знания в области судебной экспертизы, сочетание и использование комплексных исследований.

Как известно, биология представляет совокупность наук о живой природе, объединяющую множество отраслей знаний, число которых постоянно пополняется новыми. Традиционно в биологии принято выделять четыре раздела: ботанику, зоологию, анатомию и экологию. В свою очередь, медицина, наряду с разделами биологии по изучению человека (анатомия, физиология, гигиена и др.), является системой научных знаний и практических мер, объединяемых целью диагностики, лечения и профилактики заболеваний.

Анализ научной и учебной литературы по теории судебной экспертизы⁴ и научных статей по данной проблематике позволил прийти к выводу о том, что класс судебно-биологических экспертиз представлен в противоречии с пониманием биологии как комплексной науки о живых организмах.

К примеру, Д.В. Артюшенко класс биологических экспертиз ограничивает только пятью родами: ботанической, зоологической, агробиологической, зооветеринарной и экспертизой тканей и выделений человека⁵. Такой подход представляется спорным. Во-первых, в предлагаемой классификации явно сужено понятие «биология», поскольку охвачены не все ее разделы. Во-вторых, внутри самой классификации наблюдается некоторое противоречие: зооветеринарная экспертиза отделена от зоологической, а агробиологическая экспертиза вообще может быть отнесена к классу сельскохозяйственных экспертиз. При этом автор не дает по этому поводу каких-либо пояснений.

В этой связи мы поддерживаем позицию профессора Е.И. Майоровой, которая критически относится к выделению в судебно-биологической экспертизе зоологической, орнитологической и ихтиологической экспертиз⁶. Это еще один пример смешения понятий, поскольку зоология охватывает орнитологию (наука о птицах), ихтиологию (наука о рыбах), маммалиологию (наука о млекопитающих), энтомологию (наука о насекомых) и множество других наук. Стоит также отметить, что следы биологического происхождения (кровь, слюна, волосы и т. д.) в настоящее время исследуются в основном экспертами, имеющими специальное образование в области молекулярной биологии и генетики, а не медицины⁷.

В соответствии с Приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 12 мая 2010 г. № 346н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации» (далее — приказ № 346н) судебно-биологическая экспертиза включена в судебно-медицинскую экспертизу (экспертиза вещественных доказательств и исследование биологических объектов)⁸.

При изучении данного приказа можно сделать вывод о том, что медицина «поглощает» биологию. Кроме того, следует согласиться с утверждением М.Г. Пименова о том, что название «экспертиза вещественных доказательств» не совсем корректно⁹, поскольку перечень объектов, отнесенных к категории вещественных доказательств в соответствии с ч. 1 ст. 81 УПК России, гораздо шире.

Исходя из структуры биологии, предлагаем изменить содержание класса судебно-биологических экспертиз, представив его роды и виды следующим образом.

I род. Судебно-ботанические экспертизы (по исследованию растений): 1) альгологическая (экспертиза водорослей); 2) бриологическая (экспертиза мхов); 3) дендрологическая (экспертиза древесных растений); 4) микологическая (экспертиза грибов); 5) лихенологическая (экспертиза лишайников); 6) вирусологическая (экспертиза вирусов); 7) микробиологическая (экспертиза микроорганизмов); 8) палеоботаническая (экспертиза ископаемых растений).

II род. Судебно-зоологические экспертизы (по исследованию животных): 1) экспертиза беспозвоночных животных; 2) экспертиза позвоночных животных; 3) палеозоологическая (экспертиза ископаемых останков животных).

* Problems of Forensic Examination Classification

Ilyin Nikolay N., Head of the Department of Forensic Examinations and Criminal Intelligence and Surveillance Operations of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, PhD (Law)

III род. Судебные биопатологические экспертизы (по исследованию заболеваний растений): 1) лесопатологическая (экспертиза заболеваний деревьев); 2) фитопатологическая (экспертиза заболеваний других растений).

IV род. Сельскохозяйственные экспертизы: 1) агробиологическая; 2) агротехническая; 3) зооветеринарная; 4) ветеринарно-токсикологическая.

V род. Судебно-экологические экспертизы: 1) экология биоценоза; 2) экология среды.

VI род. Экспертиза запаховых следов человека (ольфакторная).

VII род. Экспертиза организмов на клеточном и тканевом уровне выделений человека: 1) биохимическая; 2) гистологическая; 3) генетическая; 4) токсикологическая; 5) химическая; 6) цитологическая.

Вместе с тем, с учетом разграничения судебно-биологических и судебно-медицинских экспертиз по отраслям знаний, имеет смысл изменить ст. 1 ныне действующего приказа № 346н, разграничив судебно-медицинскую и судебно-биологическую экспертизы, выделив последнюю в самостоятельный класс.

В продолжение анализа проблематики, связанной с классификацией судебных экспертиз, давно назревшей представляется потребность расширения видового многообразия и разработки теоретических основ транспортно-технических судебных экспертиз, а также экспертных методик их производства, поскольку сегодня это направление можно считать достаточно проработанным лишь в части проведения авто-технических экспертиз.

Транспортно-технические судебные экспертизы так или иначе связаны с появлением самого транспорта, однако непосредственное становление и развитие данного класса судебных экспертиз были обусловлены необходимостью использования специальных знаний в форме судебной экспертизы при расследовании транспортных происшествий.

Изучение литературы свидетельствует, что судебные экспертизы по исследованию транспорта стали формироваться и развиваться в разное время в середине XX в. Так, водно-технические экспертизы упоминаются в методическом пособии «Правила о производстве расследования, анализа, учета и изучения причин, аварий и происшествий на внутренних водных путях СССР (М. ; Л. : Гострансиздат, 1932). Об авиационно-технических экспертизах стали писать в 1940-е гг. (литература имеет гриф «Для служебного пользования»). Железнодорожно-технические под наименованием «технические» указаны в пособии Е.А. Долицкого «Технические экспертизы по делам о крушениях и авариях на железнодорожном транспорте» (М. : Государственное транспортное железнодорожное издательство, 1951). Об автотехнических И.В. Виноградов, Г.И. Кочаров, Н.А. Селиванов писали в работе «Экспертиза на предварительном следствии» (М., 1959).

Отсутствие единых методологических, недостаточная проработанность теоретических и прикладных основ, а также родовая разобщенность судебных экспертиз по исследованию транспорта не только негативно влияет на развитие данного направления в деятельности правоохранительных органов, но и побуждает следователей и суд ставить перед экспертами вопросы юридического характера. В дальнейшем это может привести к необоснованным отказам в возбуждении уголовных дел, неверной тактике расследования и необоснованным приговорам.

Классификацию судебных экспертиз по исследованию транспорта на этапе становления и последующего развития (до конца 90-х гг. прошлого столетия), а также методику их производства (по настоящее время) в изученных нами источниках обнаружить не удалось. Соответственно, возникает вопрос: стоит ли выделять в самостоятельный класс транспортно-технические судебные экспертизы, поскольку основной единицей классификации экспертиз, по мнению некоторых известных ученых¹⁰, является род?

Специфика транспортно-технических судебных экспертиз состоит в том, что сама природа объекта познавательной деятельности чрезвычайно сложна, поскольку «транспорт» — понятие многокомпонентное, комплексное. С одной стороны, транспорт — это отрасль материального производства, с другой — совокупность объектов транспортной инфраструктуры (пути сообщения, транспортные узлы, средства регулирования движения), транспортные средства и средства управления (сигналы светофора, различные нормативные акты, регулирующие процессы движения транспортных средств и т.п.). Структурно эксплуатация транспорта представляет собой сложную систему элементов: лицо, управляющее транспортным средством — транспортное средство — пути сообщения — среда. Такая система позволяет ее изучать, как в целом, так и отдельные составляющие (например, «транспортное средство — пути сообщения»). Каждый из вышеназванных элементов обладает определенными свойствами: техническими (например, скорость, масса, грузоподъемность, вместимость транспортного средства); технологическими, связанными с процессом изготовления и строением объектов транспорта; психофизиологическими (например, реакция водителя на возникшую нештатную ситуацию в процессе движения); и др.

Для понимания природы такого сложного объекта необходимы специальные знания в области технических и естественных наук (физика, аэродинамика, навигация и пр.). Например, в основе движения автомобиля лежат такие понятия, как силы, действующие на него, разгон, ускорение, накат, торможение, управление, занос. Иными словами, в основе процесса познания транспорта как объекта исследования: а) изучение законов технических и естественных наук, позволяющих понять закономерности функционирования и взаимосвязи элементов системы «лицо, управляющее транспортным средством — транспортное средство — пути сообщения — среда»; б) закономерности отображения возникающей информации в виде определенных действий лиц и транспортных средств, следов и признаков, составляющих основу механизма транспортного происшествия.

Не имея информации об одном элементе системы, эксперт не сможет познать другой объект. Так, без данных о метеорологических условиях (элемент «среда») не будет решен вопрос о влиянии на процесс полета воздушного судна (элемент «транспортное средство») и наличия технической возможности у пилота предотвратить его падение («лицо, управляющее транспортным средством»).

Познание одного объекта будет осуществляться через познание другого. В данном случае следы появляются позже и становятся дополнительным (вспомогательным) компонентом рассматриваемой системы, поскольку информация обо всех элементах, составляющих механизм транспортного происшествия, содержится в основном в технических средствах управления транспортным средством, документах и т.д. Эксперт в данном случае воспринимает следы как источник информации применительно не с точки зрения трасологии, а с позиций использования физико-математических формул и проведения расчетов. К примеру, для эксперта-автотехника в следе беговой дорожки протектора шины важны его длина, ширина и другие характеристики, имеющие значение для производства соответствующих расчетов по установленным формулам.

Вот почему транспортно-технические судебные экспертизы, по нашему мнению, могут обоснованно «претендовать» на самостоятельный класс судебных экспертиз, который может быть представлен четырьмя родами, выделяемыми в зависимости от вида транспортных средств и происшествий, в которых они задействованы, с одной стороны, а также по предмету, объектам, задачам и методикам исследования — с другой: 1) авиационно-техническая; 2) автотехническая; 3) водно-техническая; 4) железнодорожно-техническая.

Видовое деление каждого рода транспортно-технических судебных экспертиз нам представляется следующим:

1) экспертизы обстоятельств транспортного происшествия; 2) экспертизы технического состояния транспортных средств; 3) транспортно-трассологические экспертизы; 4) экспертизы состояния путей сообщения и условий воздействия окружающей (внешней) среды; 5) экспертизы по исследованию ошибок проектирования и нарушения технического задания по изготовлению транспортного средства.

На наш взгляд, приведенная классификация отражает сущность транспортно-технических судебных экспертиз как класса в целом, позволяет объединить знания в данной области и в то же время разграничить на роды и виды судебные экспертизы по исследованию различных видов транспорта.

Литература

1. Артюшенко Д.В. Проблемы родовой классификации судебных экспертиз / Д.В. Артюшенко // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 3. С. 226–237.
2. Майлис Н.П. О совершенствовании классификации судебных экспертиз / Н.П. Майлис // Эксперт-криминалист. 2008. № 2. С. 11–13.
3. Майорова Е.И. Концептуальные основы судебно-биологической экспертизы : диссертация доктора юридических наук / Е.И. Майорова. Москва, 1996. 347 с.
4. Моисеева Т.Ф. Понятие, возможности и перспективы использования биологических методов в судебной экспертизе и криминалистике / Т.Ф. Моисеева // Эксперт-криминалист. 2018. № 3. С. 37–39.
5. Пименов М.Г. Теоретические и методические основы судебно-генетической экспертизы тканей и выделений человека : диссертация кандидата юридических наук / М.Г. Пименов. Москва, 2004. 214 с.

6. Россинская Е.Р. Генезис и проблемы развития новых родов и видов судебных экспертиз / Е.Р. Россинская // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 3. С. 114–121.
7. Россинская Е.Р. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) : учебник / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин ; под редакцией Е.Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма, 2017. 368 с.
8. Шляхов А.Р. Труды по судебной экспертизе / А.Р. Шляхов. Москва : Наука, 2006. 567 с.

- 1 Шляхов А.Р. Труды по судебной экспертизе. М. : Наука, 2006. С. 205–206.
- 2 Майлис Н.П. О совершенствовании классификации судебных экспертиз // Эксперт-криминалист. 2008. № 2. С. 11–13.
- 3 Майорова Е.И. Концептуальные основы судебно-биологической экспертизы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1996. С. 1.
- 4 Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) : учебник / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин ; под ред. Е.Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2017. С. 173.
- 5 Артюшенко Д.В. Проблемы родовой классификации судебных экспертиз // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 3. С. 235.
- 6 Майорова Е.И. Указ. соч. С. 22.
- 7 Моисеева Т.Ф. Понятие, возможности и перспективы использования биологических методов в судебной экспертизе и криминалистике // Эксперт-криминалист. 2018. № 3. С. 37–39.
- 8 Пункт 1 Приказа Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 12 мая 2010 г. № 346н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
- 9 Пименов М.Г. Теоретические и методические основы судебно-генетической экспертизы тканей и выделений человека : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 9.
- 10 Россинская Е.Р. Генезис и проблемы развития новых родов и видов судебных экспертиз // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 3. С. 114.

К вопросу об установлении экспертным путем обстоятельств изготовления и производства психоактивных веществ*

Кузовлев Владислав Юрьевич,

старший преподаватель кафедры технико-криминалистического обеспечения экспертных исследований Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя, полковник полиции
forbreak@yandex.ru

Статья посвящена методологии криминалистического химико-технологического исследования наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и производных. Это позволяет устанавливать обстоятельства совершения незаконного изготовления (производства) данных психоактивных веществ как важного структурного элемента предмета доказывания (ст. 73 УПК РФ). В ходе проведения химико-технологического исследования может применяться ретроспективный дедуктивный анализ комплекса результатов предварительного криминалистического исследования, проведенного с помощью совокупности физико-химических методов.

Ключевые слова: химико-технологическое исследование, судебная экспертиза, методы физико-химического анализа, ретроспективный анализ, психоактивные вещества, наркотические средства, психотропные вещества.

The article is dedicated to the methodology of criminalistic chemico-technological examination of narcotic drugs, psychotropic substances, their analogues and derivatives. This allows to identify the circumstances of the illegal production of these psychoactive substances as an important structural element of the fact to be proven (Article 73 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). In the course of chemico-technological examination, a retrospective deductive analysis of the complex of the results of preliminary criminalistic investigation conducted using the combination of physico-chemical methods can be used.

Keywords: chemico-technological examination, forensic examination, methods of physico-chemical analysis, retrospective analysis, psychoactive substances, narcotic drugs, psychotropic substances.

Проблема незаконного оборота наркотиков чрезвычайно актуальна для Российской Федерации. Преступниками осуществляется лабораторное производство все новых и новых

высокотоксичных субстанций, вызывающих моментальное привыкание даже при однократном употреблении. В этой связи Стратегия государственной антинаркотической политики

* On the Issue of the Expert Identification of the Circumstances of the Production and Manufacture of Psychoactive Substances
Kuzovlev Vladislav Yu., Senior Lecturer of the Department of Technical and Criminalistic Support of Expert Research of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Colonel

Российской Федерации до 2020 года была ориентирована на борьбу с распространением синтетических психоактивных веществ¹ (далее — наркотики).

В уголовно-правовом смысле понятие «психоактивные вещества» достаточно размыто. В диспозициях норм УК РФ зачастую прямо не предусматриваются в качестве предмета преступного посягательства психоактивные вещества. Между тем правовая конструкция ряда статей подразумевает спектр веществ и субстанций, обладающих психоактивным действием².

Федеральным законом от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (далее — Закон о наркотиках) закреплены понятия наркотических средств и психотропных веществ (далее — НСИПВ), новых потенциально опасных психоактивных веществ, внесенные в соответствующие списки. Также к психоактивным веществам относятся аналоги наркотических средств и психотропных веществ, отвечающие определению, закрепленному в Законе о наркотиках. Спектр психоактивных веществ, подлежащих контролю на территории Российской Федерации, существенно расширяется за счет разнообразных химических форм НСИПВ (соли, изомеры, производные, эфиры и т.п.), подавляющее большинство которых являются синтетическими веществами, обладающими схожим воздействием на человека. По этой причине специалистами в области медицинской и фармацевтической химии под подобными психоактивными соединениями понимаются «любые вещества, способные при поступлении в организм изменять психическое состояние человека (настроение, самоощущение, восприятие окружающего), его физическое состояние, поведение и вызывать другие психофизические эффекты»³.

Законом о наркотиках определено понятие изготовления наркотических средств и психотропных веществ как «действий, в результате которых на основе наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров могут быть получены готовые к использованию и потреблению формы наркотических средств». Исходя из приведенной формулировки, особое значение для раскрытия и расследования производства (изготовления) синтетических психоактивных веществ приобретает установление обстоятельств их химического получения. Данные обстоятельства входят в предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ) по каждому уголовному делу данной категории.

Анализируя обстоятельства изготовления психоактивных веществ, можно определить их в виде комплекса фактических данных, непосредственно связанных с событием преступления и характеризующих его механизм. Они охватывают круг сведений, которые могут быть выяснены в результате проведенного по специальной методике судебно-экспертного исследования⁴. Это сведения о методе преступного синтеза психоактивного вещества, реализованном в каждом технологическом цикле, их числе и стадийности, об обустройстве лаборатории, использованных для синтеза прекурсорах и вспомогательных реактивах, признаках, способных демаскировать место изготовления.

В п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (далее — постановление Пленума) разъясняется, что под незаконным производством наркотиков понимаются «умышленные действия, направленные на их серийное получение из химических и иных веществ (например, с использованием специального химического или иного оборудования, производство наркотических средств или психотропных веществ в приспособленном для этих целей помещении, изготовление наркотика партиями, в расфасованном виде)».

С учетом изложенного под обстоятельствами производства психоактивных веществ в нарколаборатории нами понимаются:

1. Изготовление наркотиков в «подпольной» лаборатории.
2. Оснащение ее специальными технологическими приборами и т.п.

3. Снабжение лаборатории прекурсорами, растворителями, катализаторами, иными расходными материалами и т.п.

4. Утилизация отходов химического синтеза, обслуживание приборов.

5. Фасовка произведенных наркотиков.

6. Высокая квалификация соучастников преступления.

Ключевым понятием в системе уголовно-правовых отношений в сфере противодействия незаконному производству психоактивных веществ является понятие «нарколаборатория». Между тем, по нашему мнению, его криминалистической характеристике в научной литературе уделяется недостаточно внимания. На наш взгляд, под незаконной нарколабораторией следует понимать специально обустроенное законспирированное помещение (его часть, участок местности) для осуществления с использованием промышленных или самодельных посуды, реактивов и оборудования неправомерного химико-технологического процесса, включающего одно- или многостадийное проведение химических реакций, перегонку, очистку от примесей, переработку, экстрагирование, направленных на изготовление (синтез, получение) из химических соединений (либо растений и их частей, природных материалов) психоактивных веществ.

Как видно из приведенной формулировки, центральным звеном незаконного химико-технологического процесса является изготовление (синтез) психоактивных веществ⁵. Синтез может осуществляться в одну или несколько последовательных химических реакций, направленных на получение соответствующих продуктов⁶. Каждая из проведенных стадий вносит вклад в химический состав продуктов противоправного изготовления (производства) наркотиков. Состав отражает сущность протекающих реакций, является совокупностью химических следов и характеризует обстоятельства всего синтеза.

Объективизация расследования изготовления и производства наркотиков предполагает использование специальных знаний, поэтому Верховным Судом РФ разъясняется, что «для определения вида средств и веществ... их размеров, названий и свойств, происхождения, способа изготовления, производства или переработки... требуются специальные знания, поэтому суды должны располагать соответствующими заключениями экспертов» (п. 2 постановления Пленума).

В ходе рутинных судебных физико-химических экспертиз психоактивных веществ, проводимых в государственных судебно-экспертных учреждениях⁷, применяются различные методы физико-химического анализа, такие как газовая и жидкостная хроматография, рентгенофлуоресцентный анализ, ЯМР-спектроскопия, атомно-абсорбционный анализ, хромато-масс-спектральный анализ, времяпролётная MALDI масс-спектрометрия, масс-спектрометрия в индуктивно связанной плазме, спектроскопия комбинационного рассеяния, ИК-Фурье-спектроскопия, капиллярный электрофорез и другие. Подобные экспертизы проводятся по типовым методикам, направленным на решение диагностических и идентификационных задач⁸.

На основании общепринятых методических подходов из общего числа полученных указанными методами аналитических данных отбирались лишь удовлетворявшие критерию достаточности при решении поставленных перед экспертом задач⁹. Остальные данные о присутствии в составе препаратов следов продуктов промежуточных и побочных реакций, реактивов и растворителей, катализаторов, использовавшихся преступниками, осуществлявшими синтез, характеризующих химический состав психоактивных веществ, не учитывались при формировании выводов. Назовем подобные химические следы «маркерами» противоправного синтеза.

Следует отметить, что время осуществления химико-технологического процесса противоправного изготовления психоактивного вещества с использованием разнообразных реактивов, растворителей, вспомогательных веществ и прекурсоров зависит от множества временных и технологических факторов. Специалистам известно, что наличие психоактивного продукта в реакционной смеси определяется полным прохождением цепи реакций. Представляется, что именно

момент начала получения химическим путем подобного продукта подлежит установлению как время совершения преступного изготовления наркотика. Реакционная масса в этот момент чаще всего имеет жидкое агрегатное состояние, что также важно для установления размеров психоактивного вещества и квалификации общественно опасного противоправного деяния¹⁰. В такой реакционной массе может быть обнаружено максимальное количество «маркеров».

Образование «маркеров» возможно в ходе каждой из операций технологической цепочки синтеза, но их содержание в готовом продукте зависит от тщательности последующей переработки (очистки) наркотика преступниками. Таким образом, именно «маркеры» имеют непосредственную причинно-следственную связь с примененной схемой химического синтеза конкретного психоактивного вещества. Также они представляют собой ценные фактические данные, на основе которых лицо, сведущее в химической технологии психоактивных веществ, сможет, рассуждая определенным образом логически, сделать обоснованный вывод о конкретных обстоятельствах противоправного изготовления (синтеза) наркотиков.

Очевидно, что, в целях установления таких обстоятельств, результаты физико-химического экспертного исследования психоактивных веществ и, прежде всего, данные о «маркерах» должны быть подвергнуты эмпирической обработке по особому алгоритму-рассуждению. Алгоритм должен основываться на химизме превращений и технологических особенностях всех возможных методов синтеза исследуемых психоактивных веществ и их химических гомологов. Подобное эмпирическое рассуждение может опираться на дедукцию как форму познания способа синтеза конкретного предмета преступного посягательства на основе знания о химической технологии изготовления психоактивного вещества. Описанный ход криминалистического химико-технологического исследования вещества, направленный на установление технологии его изготовления, по сути, является ретроспективным анализом.

Алгоритм подобного ретроспективного анализа предусматривает не традиционный «прямой» (когда речь идет о синтезе от прекурсоров к продуктам), а «обратный» вектор рассуждений. Подобный анализ предполагает «следование» от готовых продуктов реакции через промежуточные стадии синтеза с их промежуточными продуктами («маркерами») к использованным прекурсорам (катализаторам, ингибиторам и т.п.) и оборудованию (посуде, приборам, сосудам и т.п.). В результате подобной цепи рассуждений становится возможным судить о конкретном методе синтеза любого соединения на основании данных аналитических исследований, выполненных по рассматриваемому химико-технологическому алгоритму.

Говоря о субъектах применения специальных знаний в области химико-технологического исследования психоактивных веществ, надо отметить, что задача по проведению описанного нами углубленного ретроспективного анализа не является типичной для государственных судебных экспертов, имеющих специализацию в области исследования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Решение подобных химико-технологических задач не входит в дидактическую область послевузовской дополнительной профессиональной подготовки судебных экспертов данной специальности (см., например, Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511). Именно по этой причине производство судебных химико-технологических экспертиз психоактивных веществ в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации не осуществляется¹¹.

Между тем в предмет доказывания по делам об изготовлении (производстве) психоактивных веществ входит установление обстоятельств как совершения самого преступления (ч. 1 ст. 73 УК РФ), так и обстоятельств, способствовавших его совершению (ч. 2 ст. 73 УК РФ). Единственным процессуальным путем установления способа изготовления и производства синтетических наркотиков является судебная экспертиза.

Таким образом, следует сделать вывод об актуальности разработки теоретических и методологических основ производства судебных химико-технологических экспертиз син-

тетических психоактивных веществ, с тем чтобы заключения экспертов, в соответствии со ст. 80 УК РФ, можно было использовать при доказывании обстоятельств изготовления (производства) психоактивных веществ.

Литература

1. Гаврилин Ю.В. Тактико-криминалистические аспекты использования специальных знаний при документировании незаконного оборота амфетамина в учреждениях уголовно-исполнительной системы / Ю.В. Гаврилин, В.Ю. Кузовлев // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 2. С. 65–70.
2. Коваленко Л.В. Психоактивные соединения. Химия и биологическая активность : учебное пособие / Л.В. Коваленко, С.В. Попков. Москва : РХТУ им. Д.И. Менделеева, 2012. 97 с.
3. Кузовлев В.Ю. Методология установления размеров наркотических средств и психотропных веществ, имеющих атипичную морфологию // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений : материалы VII Всероссийской научно-практической конференции по криминалистике и судебной экспертизе (г. Москва, 5–6 марта 2019 г.) : научное электронное издание : сборник научных статей. Москва : ЭКЦ МВД России, 2019. С. 221–225.
4. Кузовлев В.Ю. Осмотр лаборатории по незаконному производству психоактивных веществ из токсичных реактивов / В.Ю. Кузовлев. Москва : Изд-во МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020. 208 с.
5. Морозов А.А. Актуальные вопросы противодействия незаконному обороту аналогов и производных наркотических средств и психотропных веществ / А.А. Морозов // Эксперт-криминалист. 2014. № 4. С. 21–24.
6. Тихомирова В.В. Правовые механизмы борьбы с незаконным оборотом синтетических психоактивных веществ / В.В. Тихомирова // Эксперт-криминалист. 2014. № 2. С. 25–28.
7. Фёдоров А.В. Об учете нормативно определенных признаков аналогов наркотических средств и психотропных веществ при производстве экспертиз / А.В. Фёдоров // Эксперт-криминалист. 2014. № 2. С. 18–21.

¹ Указ Президента РФ от 9 июня 2010 г. № 690 (ред. от 23.02.2018) «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года» // СПС «КонсультантПлюс».

² Тихомирова В.В. Правовые механизмы борьбы с незаконным оборотом синтетических психоактивных веществ // Эксперт-криминалист. 2014. № 2. С. 27.

³ Коваленко Л.В., Попков С.В. Психоактивные соединения. Химия и биологическая активность : учебное пособие. М. : РХТУ им. Д.И. Менделеева, 2012. С. 4.

⁴ Одна из подобных методик в настоящее время защищена соответствующим свидетельством на территории Российской Федерации, см.: Программа для реконструкции технологии получения криминального амфетамина-рацемата («АТТЕСТАТ-АМФЕТАМИН-Р») : пат. 2017662080. Рос. Федерация. № 2018610736/2018; заявл. 21.11.17; опубл. 16.01.18.

⁵ Кузовлев В.Ю. Осмотр лаборатории по незаконному производству психоактивных веществ из токсичных реактивов. М. : Изд-во МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020. С. 37.

⁶ Морозов А.А. Актуальные вопросы противодействия незаконному обороту аналогов и производных наркотических средств и психотропных веществ // Эксперт-криминалист. 2014. № 4. С. 23.

⁷ По специальности, закрепленным, например, Приказом МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», см.: Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 35.

⁸ По данным ЭКЦ МВД России (статистическая отчетность 1-НТП ГИАЦ МВД России), в 2017 г. выполнено 112 593 экспертизы синтетических наркотиков, в 2018 г. — 104 582, а за 6 месяцев 2019 г. — 54 464 экспертизы.

⁹ Фёдоров А.В. Об учете нормативно определенных признаков аналогов наркотических средств и психотропных веществ при производстве экспертиз // Эксперт-криминалист. 2014. № 2. С. 20.

¹⁰ Кузовлев В.Ю. Методология установления размеров наркотических средств и психотропных веществ, имеющих атипичную морфологию // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений : материалы VII Всероссийской научно-практической конференции по криминалистике и судебной экспертизе (г. Москва, 5–6 марта 2019 г.) : научное электронное издание : сб. науч. ст. Москва : ЭКЦ МВД России, 2019. С. 223.

¹¹ Гаврилин Ю.В., Кузовлев В.Ю. Тактико-криминалистические аспекты использования специальных знаний при документировании незаконного оборота амфетамина в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 2. С. 68.

К вопросу о совершенствовании законодательства, касающегося сроков производства судебных экспертиз*

Майков Сергей Юрьевич,

старший следователь-криминалист методико-криминалистического управления
Главного управления криминалистики (Криминалистического центра)
Следственного комитета Российской Федерации
avtor@lawinfo.ru

Хмелёва Алла Владимировна,

руководитель отдела исследования проблем методик расследования преступлений
(Научно-исследовательского института криминалистики)
Главного управления криминалистики (Криминалистического центра)
Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук
khmeleva.alla@mail.ru

Актуальной задачей, стоящей сегодня перед правоохранительными органами, является сокращение сроков следствия. Решение данного вопроса, как показывает практика, во многом зависит от длительности проводимых по уголовному делу судебных экспертиз и исследований. В связи с этим авторы анализируют некоторые проблемные аспекты назначения судебных экспертиз. На основе обобщения следственной практики были выявлены недостатки взаимодействия следователя и судебного эксперта. Вносятся предложения по совершенствованию законодательства и ведомственного нормотворчества в целях повышения эффективности предварительного следствия и улучшения организации взаимодействия следственных органов с экспертными учреждениями.

Ключевые слова: следователь, судебный эксперт, сроки производства экспертизы, совершенствование законодательства.

The current task of law enforcement agencies is to reduce the investigation period. The practice shows that the solution of this issue mainly depends on the duration of examinations and investigations performed on a criminal case. In this connection the authors analyze some problematic aspects of the assignment of forensic examinations. Based on the summary of the investigational practice, disadvantages of the interaction between the investigator and the forensic expert have been identified. Proposals are made as to the improvement of laws and departmental law making in order to improve the efficiency of preliminary investigation and arrangement of the interaction of investigational bodies with expert institutions.

Keywords: investigator, forensic expert, examination terms, improvement of laws.

Сроки производства судебных экспертиз, в том числе судебно-медицинских, УПК РФ напрямую не установлены. Вместе с тем ст. 14 Федерального закона РФ от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее — ФЗ о ГСЭД) вменяет в обязанность руководителю государственного судебно-экспертного учреждения «обеспечение контроля за соблюдением сроков производства судебных экспертиз с учетом дат, установленных судами при назначении судебных экспертиз».

Указанное требование ФЗ о ГСЭД нашло отражение в п. 15 Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации, утвержденного Приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 12 мая 2010 № 346н (далее — Порядок организации и производства СМЭ, Порядок), где сказано, что срок производства экспертизы определяется в пределах срока, установленного в постановлении или определении о назначении судебной экспертизы. При этом в соответствии с п. 17 руководитель государственного судебно-экспертного учреждения или его заместитель по экспертной работе должен контролировать соблюдение сроков выполнения экспертизы с учетом даты окончания экспертизы, установленной судом при ее назначении.

Такое «привилегированное» положение суда обусловлено нормами гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства, предоставляющего суду право устанавливать срок производства

судебных экспертиз при их назначении (ч. 1 ст. 80 ГПК РФ и ч. 4 ст. 82 АПК РФ). Более того, согласно абз. 4 ч. 1 ст. 85 ГПК РФ «в случае невыполнения требования суда, назначившего экспертизу, о направлении заключения эксперта в суд в срок, установленный в определении о назначении экспертизы, при отсутствии мотивированного сообщения эксперта или судебно-экспертного учреждения о невозможности своевременного проведения экспертизы либо о невозможности проведения экспертизы по причинам, указанным в абзаце втором настоящей части, судом на руководителя судебно-экспертного учреждения или виновного в указанных нарушениях эксперта налагается штраф в размере до пяти тысяч рублей».

Между тем ст. 283 УПК РФ, регламентирующая порядок производства судебной экспертизы по назначению суда, не предоставляет суду права устанавливать сроки ее производства и приравнивает этот порядок к порядку, установленному главой 27 УПК РФ, в нормах которой данный вопрос не детализирован.

Таким образом, в настоящее время сложился необоснованный законодательный дисбаланс между возможностями субъектов доказывания в различных отраслях процессуального права в сфере назначения судебных экспертиз.

В то же время следует учитывать, что установление (ограничение) сроков производства судебных экспертиз может быть прямо обусловлено соответствующими сроками производства предварительного следствия (дознания) или проверки сообщения о преступлении либо иными «специальными» процессуальными сроками (ст. 144, 162, 223 УПК РФ).

* On the Issue of the Improvement of Laws Relating to the Terms of Forensic Examinations

Maykov Sergey Yu., Senior Forensic Investigator of the Methodological and Criminalistic Directorate of the Chief Investigation Department (Criminalistic Center) of the Investigative Committee of the Russian Federation

Khmeleva Alla V., Head of the Department of Research of Crime Investigation Methods (of the Research Institute of Criminalistics) of the Chief Criminalistic Directorate (Criminalistic Center) of the Investigative Committee of the Russian Federation, PhD (Law)

Так, согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ следователь вправе на стадии проверки сообщения о преступлении назначать судебную экспертизу и получать заключение эксперта в разумный срок. Причем из смысла ч. 3 ст. 144 УПК РФ следует, что «разумный» срок производства судебной экспертизы в этом случае не может превышать максимально возможного срока проведения такой проверки — 30 суток. Срок производства дознания в необходимых случаях, связанных с производством судебной экспертизы, может быть продлен лишь до шести месяцев (ч. 4 ст. 223 УПК РФ).

В указанных случаях речь идет не о сроках производства экспертизы, а о предельных сроках доследственной проверки (дознания) в связи с производством экспертизы. То есть следователь (дознатель) должен обладать правом устанавливать срок производства экспертизы в еще более узких пределах с таким расчетом, чтобы заключение эксперта могло быть не только подготовлено, но и использовано в расследовании (дознании), которое, в свою очередь, должно укладываться в установленные законом предельные сроки.

Получается, что именно следователь (дознатель) должен определять срок производства судебной экспертизы, исходя из установленного срока предварительного следствия (дознания), с учетом криминалистической ситуации, складывающейся по конкретному уголовному делу, и связанного с ними плана расследования. Разумеется, следователь (дознатель), обладая соответствующими профессиональными познаниями, должен учитывать объемы предстоящей экспертной работы, количество объектов, подлежащих исследованию, временные особенности технологических процессов, свойственных назначаемой судебной экспертизе, объективно влияющих на срок ее производства. При этом он может руководствоваться научными и методическими рекомендациями в соответствующей области.

Также целесообразно законодательно обязать эксперта уведомлять следователя о необходимости установления в порядке ч. 2 ст. 204 УПК РФ обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, по поводу которых ему не были поставлены вопросы, в том числе если для их решения потребуются дополнительные исследования, увеличивающие первоначально определенный срок производства экспертизы. На наш взгляд, именно следователь, ответственный за расследование в целом, в том числе за соблюдение его сроков, должен обладать правом окончательного решения вопроса о необходимости установления таких обстоятельств, исходя из принципа достаточности имеющихся доказательств¹.

Следственная практика также свидетельствует, что в необходимых случаях следователь должен обладать правом ограничивать объем экспертных исследований лишь теми вопросами, которые действительно необходимы на конкретном этапе расследования.

Так, например, при проведении процессуальной проверки сообщения о смерти человека ключевыми вопросами, ответов на которые зачастую вполне достаточно для принятия решения о возбуждении либо отказе в возбуждении уголовного дела, являются вопросы о причине смерти, наличии и характере телесных повреждений. На практике же часть вопросов, указываемых в постановлениях о назначении судебно-медицинских экспертиз по фактам обнаружения трупов граждан, нередко имеют шаблонный характер, а не диктуются конкретными обстоятельствами происшествия. Необходимость ответить на все эти вопросы во многих случаях лишает экспертов возможности завершить производство судебно-медицинских экспертиз в предусмотренный законом 30-суточный срок, что может повлечь принятие необоснованного решения об отказе в возбуждении уголовного дела.

Проведенный нами анализ следственной и экспертной практики показывает, что нецелесообразно предусматривать конкретные календарные сроки производства каких-либо судебных экспертиз в действующем уголовно-процессуальном законодательстве. Помимо прочего, это объясняется многообразием их видов, каждый из которых имеет свою специфику: объекты исследования, экспертные задачи, методики их решения, процедурные и технологические особенности работы оборудования, технологические сроки и т.п. Это, однако, не исключает возможности установления таких сроков на ведомственном уровне, в том числе руководителями соответствующих экспертных учреждений. В случаях нарушения экспертами установленных сроков они могут быть привлечены к дисциплинарной ответственности. Разумеется, эти сроки не должны выходить за пределы сроков, устанавливаемых следователем (дознателем) при назначении экспертизы с учетом и в пределах предусмотренных уголовно-процессуальным законом сроков предварительного следствия (дознания).

В связи с изложенным предлагаем ч. 1 ст. 195 УПК РФ дополнить п. 5, закрепляющим необходимость указания в постановлении о назначении судебной экспертизы даты, не позднее которой заключение эксперта должно быть составлено и направлено следователю, назначившему экспертизу.

Этому, на наш взгляд, должно корреспондировать установление в действующих федеральных законах (УПК РФ, ФЗ о ГСЭД) и в соответствующих ведомственных нормативных правовых актах обязанности эксперта (руководителя экспертного учреждения) своевременно уведомлять следователя о необходимости продления установленного им (следователем) срока производства экспертизы. Подобного рода продление должно быть обусловлено объективными причинами. В настоящее время на практике сроки предварительного следствия зачастую продлеваются не в связи с длительностью производства экспертизы как таковой, а в связи с ожиданием момента начала ее производства.

Следует учитывать, что согласно п. 1 ч. 1 ст. 204 УПК РФ, в котором определены требования к заключению эксперта как виду доказательств, в нем должны быть указаны дата и время производства экспертизы как процессуального действия. Однако УПК РФ не дает ответа на вопрос о том, какой именно период можно рассматривать в качестве «времени производства экспертизы» и что именно входит в понятие «производство» экспертизы.

Согласно ст. 9 ФЗ о ГСЭД судебная экспертиза является процессуальным действием, состоящим из двух элементов — проведения исследования и дачи заключения экспертом, т.е. составления письменного документа, отражающего ход и результаты исследования.

В ст. 2 Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» дано следующее определение понятия «исследование». Это деятельность, направленная на всестороннее изучение объекта, процесса или явления, их структуры и связей, а также получение и внедрение в практику полезных для человека результатов. В случае производства судебно-экспертного исследования под «полезными результатами» следует понимать установленные обстоятельства, имеющих доказательственное значение по конкретному уголовному делу.

Таким образом, под исследованием понимается активная деятельность (осмотр объектов, проведение экспериментов и т.п.). Следовательно, в период «производства» экспертизы не должно включаться время, когда поступившие в экспертное учреждение или к эксперту материалы

(постановление о назначении экспертизы, объекты, подлежащие исследованию, сравнительные образцы), не подвергаясь никаким непосредственным исследованиям, фактически ожидают своей очереди ввиду загруженности эксперта другими экспертизами, нахождения эксперта в очередном отпуске, его отсутствия по болезни и т.п.

Примечательно, что согласно ч. 4 ст. 6.1 УПК РФ обязанности, связанные с организацией работы органов дознания, следствия, прокуратуры и суда, а также рассмотрение уголовного дела различными инстанциями не могут приниматься во внимание в качестве оснований для превышения разумных сроков осуществления уголовного судопроизводства. Мы полагаем, что подобный подход к определению «разумного» срока должен в полной мере распространяться и на сроки производства судебных экспертиз. Нам представляется некорректной формулировка п. 5 Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз, исчисляющего срок производства экспертизы со дня поступления в государственное судебное экспертное учреждение постановления или определения о назначении экспертизы и прилагаемых к нему объектов и материалов, необходимых для проведения экспертизы и выдачи экспертного заключения.

Как показывает практика, в большинстве случаев при оформлении заключения эксперта в нем в качестве «времени производства экспертизы» указывается именно время проведения активных исследований и подготовки текста заключения как такового, а не тот, исчисляемый иногда месяцами срок, в период которого поступившие материалы «ожидают своей очереди».

В связи с этим представляется необходимым в действующем законодательстве уточнить понятие «срок

производства судебной экспертизы», включив в УПК РФ, а также в ФЗ о ГСЭД норму следующего содержания: «Срок производства судебной экспертизы исчисляется со дня начала экспертных исследований объектов и материалов, необходимых для проведения экспертизы и выдачи заключения экспертом, по день окончания оформления заключения и его подписания исполнителем (исполнителями)».

Разумеется, имеются и другие организационные вопросы взаимодействия следователя и судебного эксперта, которые требуют своего изучения и урегулирования, в том числе на законодательном уровне.

Литература

1. Комиссарова Я.В. Актуальные проблемы практики производства судебных экспертиз в России (по результатам анкетирования экспертов) / Я.В. Комиссарова // Российский следователь. 2013. № 5. С. 6–9.
2. Хмельёва А.В. Отдельные вопросы назначения судебных экспертиз и оценки заключения экспертов / А.В. Хмельёва // Эксперт-криминалист. 2015. № 2. С. 23–26.
3. Хмельёва А.В. Проблемные вопросы применения норм о назначении и производстве судебных экспертиз и специальных исследований / А.В. Хмельёва // Российский следователь. 2015. № 6. С. 31–34.
4. Шляхов А.Р. Судебная экспертиза. Организация и проведение / А.Р. Шляхов. Москва: Юридическая литература, 1979. 168 с.

¹ По вопросу о пределах экспертной инициативы см.: Шляхов А.Р. Судебная экспертиза. Организация и проведение. М.: Юридическая литература, 1979. С. 90–91; Комиссарова Я.В. Актуальные проблемы практики производства судебных экспертиз в России (по результатам анкетирования экспертов) // Российский следователь. 2013. № 5. С. 6–9.

Актуальные проблемы производства судебных экспертиз в негосударственных судебно-экспертных учреждениях по уголовным делам*

Савицкий Алексей Анатольевич,

доцент кафедры судебных экспертиз

Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

аудитор, кандидат экономических наук, доцент

savitscky@mail.ru

Статья посвящена вопросам назначения и производства судебных экспертиз с учетом особенностей функционирования государственных и негосударственных экспертных учреждений. Анализируются требования, предъявляемые к негосударственным экспертным учреждениям. Отмечается, что достоверность выводов по результатам экспертного исследования преимущественно зависит от квалификации и компетентности судебного эксперта и в меньшей степени от организационно-правовой формы экспертного учреждения. Предложено унифицировать требования, предъявляемые к судебным экспертам и экспертным организациям.

Ключевые слова: судебная экспертиза, уголовный процесс, экспертная организация, государственное судебно-экспертное учреждение, компетентность эксперта.

The article is devoted to the issues of the assignment and performance of forensic examinations taking into account specific features of functioning of state and non-state expert institutions. The requirements for non-state expert institutions are analyzed. It is mentioned that the reliability of conclusions based on the results of expert examination mainly depends on the qualification and competence of the forensic expert and to a lesser degree — on the organizational and legal form of the expert institution. It is proposed to unify the requirements for forensic experts and expert institutions.

Keywords: forensic examination, criminal procedure, expert institution, state forensic institution, expert's competence.

Современная правоприменительная практика по уголовным делам формируется в русле требований, предусмотренных рядом нормативных правовых актов, пре-

жде всего УПК РФ. Однако не все проблемные аспекты, имеющие значение для судопроизводства, законодательно урегулированы должным образом. В их числе отдель-

* Current Problems of Forensic Examinations in Non-State Forensic Institutions on Criminal Cases

Savitskiy Aleksey A., Associate Professor of the Department of Judicial Examinations of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Auditor, PhD (Economics), Associate Professor

ные вопросы назначения судебных экспертиз, связанные с выбором экспертной организации и кандидатуры эксперта.

Согласно ст. 41 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее — ФЗ о ГСЭД) судебные экспертизы могут проводиться не только в государственных, но и в негосударственных экспертных учреждениях. В негосударственных экспертных учреждениях преимущественно проводятся наиболее распространенные виды экспертиз, не требующих использования специального оборудования, например, почерковедческие, экономические, лингвистические, строительно-технические и т.п. В негосударственных экспертных учреждениях следователи и судьи чаще всего обращаются в ситуациях, когда:

1) специфика исследования такова, что проведение экспертизы возможно исключительно в данном негосударственном учреждении;

2) в конкретном негосударственном экспертном учреждении трудится специалист, обладающий высокой квалификацией или специальными знаниями, которых не имеют эксперты государственных экспертных учреждений;

3) государственные судебно-экспертные учреждения перегружены, что напрямую влияет на сроки проведения экспертиз и, соответственно, срок следствия по уголовному делу (как правило, с проведением экспертиз негосударственные экспертные учреждения справляются быстрее государственных).

В последние годы не утихает дискуссия о том, какие организации следует считать «судебно-экспертными» учреждениями, а какие не могут иметь такого статуса¹. Вопрос обусловлен в первую очередь тем, что согласно п. 60 ст. 5 УПК РФ в качестве экспертного учреждения рассматривается любое государственное судебно-экспертное или иное учреждение, которому поручено производство судебной экспертизы в порядке, установленном Кодексом. В соответствии с ч. 2 ст. 195 УПК РФ судебная экспертиза производится государственными судебными экспертами и иными экспертами из числа лиц, обладающих специальными знаниями. При этом в ст. 41 ФЗ о ГСЭД сказано: «Судебная экспертиза может производиться вне государственных судебно-экспертных учреждений лицами, обладающими специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, но не являющимися государственными судебными экспертами». Таким образом, возможность производства судебных экспертиз в негосударственных экспертных организациях в данном законе отражена на уровне декларации, но не конкретизирована.

Думается, в настоящее время вопрос о критериях поручения производства судебных экспертиз негосударственным судебно-экспертным учреждениям по уголовным делам нуждается в уточнении. Значение заключения эксперта как доказательства в уголовном процессе указывает на необходимость четкой регламентации требований, предъявляемых к негосударственным экспертным организациям и к негосударственным судебным экспертам.

Важным шагом на этом пути можно считать Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (далее — ПВС РФ № 28), согласно п. 2 которого к негосударственным судебно-экспертным учреждениям относятся исключительно некоммерческие организации

(некоммерческие партнерства, частные учреждения или автономные некоммерческие организации), осуществляющие судебно-экспертную деятельность в соответствии с принятыми ими уставами. Иными словами, для осуществления судебно-экспертной деятельности негосударственная организация должна по формальным признакам отвечать двум требованиям: организационно-правовая форма некоммерческой организации и наличие соответствующей записи в уставе. В иных случаях производство судебной экспертизы коммерческим организациям поручать не следует.

Данное ограничение представляется не вполне обоснованным. Сторонники описанной позиции отмечают, что целью коммерческих организаций, согласно нормативным правовым и учредительным документам, является получение прибыли. По-видимому, они увязывают получение вознаграждения экспертной организацией с «определенными» (необъективными) выводами. Однако сам процесс производства судебной экспертизы и обоснование выводов зависят исключительно от квалификации эксперта и не зависят от организационно-правовой формы экспертной организации. Кроме того, в последнее время в большом количестве зарегистрированы и функционируют некоммерческие организации, позиционирующие себя как судебно-экспертные организации. Данные организации, по сути, ничем не отличаются от коммерческих. Зачастую в экспертных организациях отсутствуют в штате эксперты тех или иных специальностей, а взаимодействие с экспертами осуществляется на основании договоров гражданско-правового характера (чаще всего подряда, когда оплата заведомо производится за результат)². Фактически экспертиза проводится лицом, которое на момент ее назначения не имело оформленных отношений с экспертной организацией. В данном случае обоснованным представляется требование, содержащееся в проекте Федерального закона № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»³, согласно которому судебно-экспертные организации должны иметь в штате экспертов на постоянной основе.

Обоснованность ограничений, предусматриваемых ПВС РФ № 28, также вызывает сомнение в силу особенностей распределения финансовых результатов деятельности в негосударственных организациях. Как известно, целью коммерческой организации является получение прибыли, при этом результаты судебно-экспертной деятельности не могут быть поставлены в зависимость от прибыли организации. Финансовый результат от приносящей доход деятельности некоммерческой организации должен быть направлен на уставные цели, применительно к рассматриваемому вопросу — развитие судебно-экспертной деятельности. Однако, как показывает практика, оставшиеся после выплаты вознаграждения эксперту денежные средства зачастую обналичиваются через индивидуальных предпринимателей или через «фирмы-однодневки». Организация и ведение бухгалтерского учета в некоммерческих организациях не отличаются от учета в коммерческих, отчет о финансовых результатах некоммерческой организации предусматривает возможность прибыли и пр.

Таким образом, процесс организации и производства судебной экспертизы в некоммерческих организациях не имеет существенных отличий от экспертной деятельности в коммерческих. Однако согласно указанному выше законопроекту требование осуществления судебно-экспертной деятельности исключительно некоммерческими

организациями распространяется не только на уголовный процесс, но применительно ко всем видам судопроизводства.

В настоящее время формальные требования к экспертным организациям предъявляются в связи с регламентацией в кодах экономической деятельности вида деятельности «Судебно-экспертная деятельность» код 71.20.2⁴. При этом отсутствие в регистрационных документов организации указанного кода зачастую является формальным основанием для отказа назначения экспертам данной организации судебной экспертизы, несмотря на их квалификацию. Обобщая требования нормативных правовых актов, сложившуюся практику и перспективы развития судебно-экспертной деятельности, можно выделить следующие требования к экспертным организациям в уголовном процессе:

1. Организационно-правовая форма — некоммерческая организация.
2. Наличие в уставе организации указания на осуществление судебно-экспертной деятельности.
3. Наличие в документах о регистрации организации кода экономической деятельности 71.20.2 «Судебно-экспертная деятельность».
4. Наличие в штате организации экспертов по основному месту работы.

И все-таки, на наш взгляд, на законодательном уровне целесообразно регламентировать требования не к экспертной организации, а требования к квалификации судебного эксперта, которые в настоящее время однозначно не определены. Согласно ст. 57 УПК РФ эксперт — лицо, обладающее специальными знаниями. Однако критерии оценки знаний эксперта применительно к ситуации назначения и производства экспертиз в настоящее время отсутствуют, если не считать профессиональных и квалификационных требований, предъявляемых к лицам, занимающим должность эксперта в государственных судебно-экспертных учреждениях (ст. 13 ФЗ о ГСЭД).

В целях решения данного вопроса предлагается следующая система проверки наличия у эксперта, не являющегося сотрудником государственного судебно-экспертного учреждения, специальных знаний для подтверждения его компетентности (на примере судебной бухгалтерской экспертизы):

1. Предоставление диплома об образовании в области, отраженной в вопросах, поставленных перед экспертом. Это должен быть диплом с указанием направления подготовки/квалификации и профиля/специальности (желательно наличие экономического образования). Возможно предоставление иных документов (о получении ученой степени, ученого звания, аттестата аудитора, квалификационного аттестата оценщика).
2. Приветствуется наличие документов, подтверждающих освоение специальности высшего образования «Судебная экспертиза»: диплом о высшем экспертном образовании, диплом переподготовки, а также дополнительно сертификат о прохождении добровольной сертификации.
3. Следует указать стаж работы по специальности, подтвердив его записью в трудовой книжке, договорами с работодателем. Отдельно проверяется стаж работы в качестве государственного судебного эксперта (если таковой имеется).
4. При наличии можно сообщить об опыте производства судебных экспертиз, указанного в постановлении

рода (вида), с уточнением даты проведения первой экспертизы и их общего количества (при большом объеме с уточнением «не менее» или «более» определенного числа). Опыт можно подтвердить договорами с экспертными организациями.

В настоящее время уровень доверия к судебным экспертизам, выполненным в государственных судебно-экспертных учреждениях, как правило, выше, чем к тем, что выполнены в негосударственных экспертных учреждениях. При рассмотрении вопроса о возможности поручения судебной экспертизы лицу, не являющемуся государственным судебным экспертом, следствие и суд, если можно так выразиться, должны «изучать» сложившийся рынок экспертных услуг, выяснять квалификацию конкретных лиц, решать организационные вопросы (в частности, касающиеся стоимости и сроков проведения экспертизы). В соответствии с п. 3 ПВС РФ № 28 следует предварительно запросить сведения, касающиеся возможности производства данной экспертизы, а также сведения об эксперте (в том числе его фамилию, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы в качестве судебного эксперта и иные данные, свидетельствующие о его компетентности и надлежащей квалификации), о чем указать в определении (постановлении) о назначении экспертизы, и при необходимости приобщить к материалам уголовного дела заверенные копии документов, подтверждающих эти сведения⁵.

Думается, что унификация требований, предъявляемых ко всем судебным экспертам, и их единая аттестация могли бы не только уравнивать по статусу государственных и негосударственных судебных экспертов, но и в конечном счете это способствовало бы повышению качества судебных экспертиз.

Литература

1. Аминев Ф.Г. К вопросу о профессиональной подготовке экспертов государственных и негосударственных судебно-экспертных организаций / Ф.Г. Аминев // Эксперт-криминалист. 2016. № 2. С. 27–29.
2. Комиссарова Я.В. Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве: теория и практика / Я.В. Комиссарова. Москва : Юрлитинформ, 2014. 368 с.
3. Николаева Ж.А. Проблемы законодательной регламентации судебно-экспертной деятельности / Ж.А. Николаева // Российская юстиция. 2015. № 6. С. 54–56.
4. Россинская Е.Р. Избранное / Е.Р. Россинская. Москва : Норма, 2019. 680 с.
5. Хазиев Ш.Н. Об уголовно-процессуальном понятии судебно-экспертного учреждения / Ш.Н. Хазиев // Теория и практика судебной экспертизы. 2007. № 11 (1). С. 37–44.

¹ См., напр.: Хазиев Ш.Н. Об уголовно-процессуальном понятии судебно-экспертного учреждения // Теория и практика судебной экспертизы. 2007. № 11 (1). С. 37–44.

² Об этом также см.: Комиссарова Я.В. Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве: теория и практика. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 105–106.

³ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6> (дата обращения: 12.05.2020).

⁴ ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст) (ред. от 12.02.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См. подробнее: Россинская Е.Р. Избранное. М. : Норма, 2019. С. 441–452.

Использование термического метода для выявления следов рук на чековой ленте*

Яковлев Глеб Дмитриевич,

техник-криминалист отделения № 10 Экспертно-криминалистического центра
Главного управления МВД России по Иркутской области
gleb.mono@gmail.com

Яковлев Дмитрий Юрьевич,

доцент кафедры организации и методики уголовного преследования
Иркутского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
dmitrii-iakovlev@mail.ru

В статье представлен новый метод выявления следов пальцев рук на чековой ленте. Обсуждается эффективность применения данного метода, описываются алгоритм и условия использования. Резюмируется, что при соблюдении температурных режимов метод может быть использован для выявления следов рук на термобумаге.

Ключевые слова: дактилоскопия, следы рук, физические методы выявления следов, термический метод.

The article describes a new method of the identification of fingerprints on a receipt tape. The efficiency of using this method is discussed, the algorithm and conditions of use are described. It is concluded that the method can be used for the identification of handprints on thermal paper if temperature modes are observed.

Keywords: dactyloscopy, handprints, physical methods of prints identification, thermal method.

Одним из условий высокого качества расследования преступлений является широкое использование при сборании и оценке доказательств последних достижений науки и техники, относящихся к различным областям специальных знаний. Опираясь на эти достижения и используя их в своей практической деятельности, работники следственного аппарата раскрывают сложные преступления, расследуют их на высоком профессиональном уровне.

Особенно велика роль науки и техники при сборе и экспертном исследовании вещественных доказательств. Внедрение в экспертную практику высокочувствительных аналитических методов исследования, привлечение в судебно-экспертные учреждения специалистов в области естественных наук, овладевших методологией судебной экспертизы, открывают широкие возможности для глубокого и всестороннего исследования многочисленных материальных объектов.

Наибольшую сложность при работе с материально-фиксированными следами преступления¹ представляет выявление следов, поскольку большинство из них являются маловидимыми или невидимыми². На сегодняшний день разработан объемный арсенал различных технических средств и методов выявления следов (в том числе потожировых), однако говорить об универсальности их применения не представляется возможным³.

Вид и состояние поверхности объекта-носителя, особенности материала, из которого он изготовлен, количество потожирового вещества, оставшееся после непосредственного контакта, — вот далеко не полный перечень факторов, оказывающих влияние на выбор конкретной методики выявления следов пальцев рук.

Кроме традиционных объектов из металла, стекла, бумаги, дерева и т.п. на месте преступления встречаются объекты, изготовленные из термохимической ленты (чековой бумаги). В зависимости от типа производимой термобумаги, изделия могут отличаться по ряду определенных характеристик, например, количеству слоев, способу печати, ширине и наружному диаметру ролика, внутреннему диаметру втулки⁴.

Главным отличием от прочей производимой бумажно-целлюлозной продукции, которая используется для отображения машинописного текста, является наличие резистивного термоактивного слоя-покрытия, которое при производстве термохимической ленты наносится на одну из сторон. Наличие этого слоя придает чековой бумаге некоторые особые свойства, влияющие на механизм слеодообразования и, соответственно, на особенности выявления потожирового следа.

С учетом изложенного нами предлагается нижеследующий метод выявления следов пальцев рук.

Суть метода сводится к равномерному нагреванию термохимической ленты со следами потожирового вещества плоской греющей поверхностью в течение определенного времени. В отличие от применения химических способов выявления следов рук человека, данный способ при соблюдении температурного режима безопасен для термоактивного слоя, которым покрыта бумага, что сводит риск повреждения последнего к минимуму.

Рекомендованные температурные режимы при работе с термоактивным слоем составляют 60–100 °С. Обусловлено это тем, что в пределах данного температурного интервала на термобумаге начинается процесс проявления.

* Thermal Method Use for the Detection of Handprints on a Receipt Tape

Yakovlev Gleb D., Forensic Technician of Division No. 10 of the Forensic Science Center of the Chief Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Irkutsk Region

Yakovlev Dmitriy Yu., Associate Professor of the Department of Arrangement and Methodology of Criminal Prosecution of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD (Law), Associate Professor

Илл. 1. Результат применения термического метода выявления следов пальцев рук

Силу и степень термического воздействия перед исследованием необходимо проверять на экспериментальном объекте. В случае превышения указанного выше температурного режима происходит почернение термоактивного слоя, что ведет к утрате отобразившегося следа и, соответственно, криминалистически значимой информации.

Технически метод реализуется путем прямого термического воздействия на исследуемый объект в течение 5–10 сек. Для этого необходимо подготовить 8 листов чистой нелинованной бумаги формата А4, поместить исследуемый объект под указанные бумажные листы и произвести термическую обработку в указанном временном диапазоне (илл. 1).

При проведении эксперимента эмпирическим путем было установлено, что при воздействии на различные типы термохимической ленты в пределах одного и того же температурного диапазона степень контрастности выявляемых следов рук может варьироваться от слабовидимых до уверенно контрастных. Поэтому представляется целесообразным использование графических редакторов для проведения цветовой коррекции с целью минимизации рисков при повторном термическом воздействии на исследуемый объект.

Еще одной особенностью термохимической ленты после ее обработки посредством термического воздействия является ее способность к сохранению на своей поверхности выявленных следов рук без их полного или частичного уничтожения. Обусловлено это тем, что потожировые следы под воздействием высокой температуры надежно закрепляются на термоактивном слое, не теряя при этом свой контраст после проявления, и становятся невосприимчивыми к внешним воздействиям, таким как:

— направленное механическое воздействие на поверхность термоактивной ленты (трение, скольжение и т.п.);

— повышенная влажность воздуха в среде, где находится объект, или случайное попадание на поверхность термохимической ленты влаги;

— воздействие ультрафиолетовых лучей при попадании на объект прямого солнечного света.

Указанные свойства термохимической ленты как объекта исследования позволяют исключить утерю криминалистически значимой информации при неправильной упаковке или транспортировке вещественных доказательств, а также представляют возможность беспрепятственной исследовательской работы по истечении большого временного срока.

Несомненно, применение описанного метода безопаснее, практичнее и не требует специфического технического обеспечения.

Следует учитывать, что, как и при использовании других методов выявления отображений папиллярных линий на поверхности целлюлозно-бумажных

объектов-следоносителей, результаты исследования в дальнейшем напрямую зависят от множества факторов: временной промежуток между контактом лица с исследуемым объектом; сила и степень тактильного контакта с объектом; состояние кожных покровов; степень выделения потожирового вещества; характер механического воздействия; и т.п.

Литература

1. Комиссарова Я.В. Понятие и классификация следов в криминалистике / Я.В. Комиссарова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 3 (55). С. 131–141.
2. Костовский О.Н. Современные возможности и перспективы использования автоматизированных дактилоскопических информационных систем в деятельности пограничных органов / О.Н. Костовский // Эксперт-криминалист. 2017. № 3. С. 23–25.
3. Майлис Н.П. Учение о следах: вчера, сегодня, завтра / Н.П. Майлис // Эксперт-криминалист. 2014. № 3. С. 36–38.
4. Эксперт. Руководство для экспертов органов внутренних дел / под редакцией Т.В. Аверьяновой, В.Ф. Статкуса. Москва : КноРус, Право и закон, 2003. 592 с.

¹ О классификации следов в криминалистике см., напр.: Комиссарова Я.В. Понятие и классификация следов в криминалистике // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 3 (55). С. 131–141.

² Костовский О.Н. Современные возможности и перспективы использования автоматизированных дактилоскопических информационных систем в деятельности пограничных органов // Эксперт-криминалист. 2017. № 3. С. 23.

³ Эксперт. Руководство для экспертов органов внутренних дел / под ред. Т.В. Аверьяновой, В.Ф. Статкуса. М. : КноРус, Право и закон, 2003. С. 69–97.

⁴ Центр КТ. М., 2019. URL: http://markerovka.ru/state/tipi_chekovoi_lenti.html (дата обращения: 18.06.2020).

Правовое обеспечение судебно-экспертной деятельности: теория и практика*

Берестень Владимир Ильич,

профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО»,
доктор юридических наук, профессор
prof.beresten@gmail.com

В научной статье исследуются отдельные нормативные правовые акты Республики Беларусь, регламентирующие судебно-экспертную деятельность. В них выделяются коррупциогенные факторы. Определены приоритетные направления укрепления духовно-нравственных ценностей эксперта.

Ключевые слова: *судебная экспертиза, судебно-экспертная деятельность, коррупция, антикоррупционное правовое сознание.*

The article examines certain regulatory legal acts governing forensic activities in the Republic of Belarus. These acts highlight corruption factors, as well as determine the priority areas for the development of spiritual and moral values of an expert.

Keywords: *forensic science, forensic science activity, corruption, anti-corruption legal consciousness.*

В целях оптимизации государственной судебно-экспертной деятельности, обеспечения защиты прав и законных интересов граждан, организаций в уголовном, административном, гражданском и хозяйственном процессе в 2013 г. на базе экспертных подразделений Министерства внутренних дел, Министерства по чрезвычайным ситуациям, Министерства юстиции, Министерства обороны, других организаций, связанных с осуществлением судебно-экспертной деятельности, был сформирован Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь (далее — Госкомитет судебных экспертиз)¹.

Централизация государственных судебно-экспертных учреждений и подразделений позволила определить пути решения проблем, обусловленных недостатками в организационном обеспечении их деятельности. Не секрет, что правоприменительная практика испытывала потребность в улучшении качества производства экспертиз и сокращении сроков их проведения. Росло число обоснованных жалоб граждан и должностных лиц, обусловленных издержками в работе экспертных учреждений.

Правовое обеспечение судебно-экспертной деятельности изменялось и дополнялось, а также принимались новые нормативные акты с учетом потребности созданной системы экспертной деятельности. К настоящему времени разработаны и приняты свыше 76 указов и декретов Президента Республики Беларусь, 18 законов, закрепляющих отдельные положения деятельности Госкомитета судебных экспертиз. Более 85 постановлений Правительства Беларуси посвящены работе вновь созданного ведомства. Непосредственно Госкомитет судебных экспертиз на первоначальном этапе, реализуя единую государственную политику в сфере судебно-экспертной деятельности, принял 49 постановлений. Правовые и организационные основы деятельности Госкомитета

судебных экспертиз, его основные задачи и полномочия, а также правовой статус, гарантии правовой и социальной защиты сотрудников определены в Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 293-З «О Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь»².

Немногом позже в целях формирования правовых и организационных основ, принципов судебно-экспертной деятельности в Республике Беларусь, ее научно-методического, материально-технического и иного обеспечения был принят Закон Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 281-З «О судебно-экспертной деятельности»³. В нем установлены сроки проведения судебных экспертиз. Это, как правило, не более 30 календарных дней. Отражены права, обязанности и ответственность судебного эксперта судебно-экспертной организации и судебного эксперта, являющегося индивидуальным предпринимателем. Раскрыто понятие «судебно-экспертная деятельность», охватывающее деятельность по организации проведения, контролю за проведением, проведению судебных экспертиз и деятельность по ведению криминалистических учетов и коллекций, осуществляемые судебно-экспертными организациями и судебными экспертами. Уточнен термин «процессуальное законодательство Республики Беларусь», под которым подразумевается Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь, Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь, Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях.

В то же время пока остаются недостаточно исследованными вопросы предупреждения и пресечения коррупционных проявлений в судебно-экспертной деятельности. Актуальность этой проблематики очевидна, поскольку отсутствуют сферы деятельности, которые

* The Legal Support of Forensic Activities: The Theory and Practice

Beresten Vladimir I., Professor of the Department of Criminal and Legal Disciplines of the Higher Educational Establishment of the Federation of Trade Unions of Belarus International University MITSO, LL.D., Professor

не были бы поражены в той или иной степени коррупцией.

Сегодня сложно представить процесс доказывания по любой категории дел без производства судебных экспертиз. Судебная экспертиза является наиболее эффективной формой использования специальных знаний при получении источников доказательств по делу. Удельный вес дел, по которым результаты экспертизы имеют решающее значение для расследования (рассмотрения), постоянно растет. Повышение информативности заключения эксперта, а значит, и эффективности использования в судопроизводстве полученных в ходе экспертизы результатов, — одна из важнейших задач, стоящих перед правоохранителями в современных условиях.

Экспертиза позволяет использовать в процессе расследования и судебного разбирательства уголовных дел весь арсенал современных научных средств. Она является одним из главных источников внедрения в следственную и судебную практику инновационных научных достижений. Надо признать, что при расследовании преступлений без заключения эксперта зачастую сложно разрешить некоторые вопросы правового характера, влияющие на исход дела.

От результатов судебно-экспертной деятельности многое зависит при рассмотрении дел в суде, потому что эксперты должны обладать соответствующим антикоррупционным сознанием при производстве экспертиз.

Несмотря на принимаемые меры по противодействию коррупции в Республике Беларусь, это социально опасное явление остается угрозой безопасности общества и государства. По данным Верховного Суда Республики Беларусь, в 2018 г. 1005 лиц были осуждены за совершение преступлений коррупционной направленности, в 2019 г. — 1007, то есть показатели не снижаются. Привлечены к уголовной ответственности за хищение путем злоупотребления служебными полномочиями 261 (ст. 210 УК), злоупотребление властью или служебными полномочиями 91 (ст. 424 УК), превышение власти или служебных полномочий 72 (ст. 426 УК), злоупотребление властью, превышение власти либо бездействие власти 30 (ст. 455 УК), бездействие должностного лица 7 (ст. 425 УК). Из числа осужденных 433 лица приговорены к различному сроку лишения свободы, а 241 получили наказание в виде штрафа (40 — как основное наказание, 201 — в качестве дополнительного). Конфискация имущества как дополнительная мера наказания применена к 166 лицам. В качестве основной меры наказания 44 осужденных лишены права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью, к 676 лицам это наказание применено в качестве дополнительного. Были лишены воинского или специального звания 39 лиц. Статистика свидетельствует, за взяточничество осуждены 536 лиц, из них: за получение взятки 336 (ст. 430 УК); дачу взятки 207 (ст. 431 УК); посредничество во взяточничестве 3 (ст. 432 УК)⁴.

Результаты криминологических, криминалистических и других исследований свидетельствуют, что в оперативно-разыскной, следственной, судебно-экспертной, судебной деятельности (при осуществлении правосудия) взяточничество является основной формой коррупции.

В процессе исследований нами были выделены основные коррупциогенные факторы, способствующие противодействию правоохранительным органам в расследовании преступлений, связанных со взяточничеством:

1. Взяткодатель, взяткополучатель и посредник заинтересованы в достижении своих целей путем совершения преступлений и принимают меры по сокрытию следов своей противоправной деятельности.

2. После обнаружения правоохранительными органами противоправных деяний, связанных с взяточничеством, отдельные участники их совершения, как правило, отказываются давать показания по факту дачи, получения взятки или посредничества в совершении преступления, создают неблагоприятные условия для проведения оперативно-разыскных и следственных мероприятий, судебных экспертиз по уголовному делу.

3. Получение или дача взятки должностному лицу за совершение законных действий осложняется тем, что в документах отсутствуют следы активности подозреваемых, свидетельствующие о противоправных деяниях, что осложняет проведение судебных экспертиз.

4. Должностные лица нередко получают взятки за создания условий хищения бюджетных средств, а также способствуют формированию организованных преступных групп путем регистрации аффилированных субъектов хозяйствования на территории своего государства и других стран. Эти субъекты предпринимательства осуществляют противоправную деятельность в интересах коммерческой структуры, управляющей финансово-хозяйственной деятельностью, что мешает следствию в полном объеме доказать существование разветвленной, конспиративной сети взяточников, а привлечение экспертов для проведения комплексной судебной экспертизы связано с определенными трудностями.

5. Теневая экономическая деятельность обеспечивает взятокдателей необходимыми ресурсами для подкупа должностных лиц. При расследовании взяточничества сложно установить источники формирования предмета взятки.

6. Расследование взяточничества сопровождается минимальным наличием объема доказательств. Иногда косвенные доказательства превалируют при расследовании взяточничества. Их оценка не всегда укрепляет положение стороны обвинения из-за отсутствия заключения эксперта по тем или иным обстоятельствам уголовного дела, связанного со взяточничеством.

7. В процессе расследования взяточничества недостаточно активно используются средства профилактики.

При анализе уголовно-процессуального законодательства также можно выявить определенные признаки, которые при осуществлении судебно-экспертной деятельности могут способствовать коррупции. К ним, по нашему мнению, относятся следующие:

1. В ст. 137 УПК Республики Беларусь отсутствует право дознавателя допрашивать или получать объяснение эксперта после данного им заключения по результатам проведения экспертизы, что может способствовать коррупционным проявлениям со стороны дознавателя, следователя и эксперта.

2. Часть 3 ст. 236 УПК Республики Беларусь гласит: «Если эксперт убеждается, что поставленные вопросы выходят за пределы его специальных знаний или предоставленные ему материалы непригодны или недостаточны для дачи заключения и не могут быть восполнены, либо если состояние науки и экспертной практики не позволяет ответить на поставленные вопросы, он составляет мотивированное сообщение о невозможности дачи заключения и направляет его в орган, ведущий уголовный процесс и назначивший экспертизу».

Допросить эксперта в этом случае или получить от него объяснения по ситуации в целом лицу, производящему дознание, и следователю затруднительно. Думается, что данный пробел в законодательстве создает условия для снижения «иммунитета» эксперта в противодействии коррупции.

3. Согласно п. 8 ст. 61 УПК Республики Беларусь эксперт не имеет права разглашать сведения об обстоятельствах уголовного дела и иные сведения, ставшие ему известными в связи с проведением экспертизы, если он был предупрежден об этом органом уголовного преследования или судом. В соответствии с ч. 4 ст. 62 УПК Республики Беларусь специалист также не вправе разглашать данные предварительного расследования или закрытого судебного заседания без разрешения органа, ведущего уголовный процесс. Эксперт и специалист несут ответственность по ст. 407 УК Республики Беларусь за разглашение данных дознания, предварительного следствия или закрытого судебного заседания.

По нашему мнению, целесообразно исключить из ст. 61 слова «если он был предупрежден об этом органом уголовного преследования или судом». В ст. 62 также следует исключить слова «без разрешения органа, ведущего уголовный процесс»⁵. Это позволит более качественно защищать сведения об обстоятельствах уголовного дела и иные сведения, ставшие известными эксперту и специалисту, что снизит уровень коррупционных рисков в судебно-экспертной деятельности.

В целях преодоления возможных коррупционных рисков при получении предварительной консультации у эксперта целесообразно создать организационно-правовые условия получения их в системе Госкомитета судебных экспертиз.

Основополагающую роль в плане антикоррупционной защиты сотрудников Госкомитета судебных экспертиз играет их уровень антикоррупционного правосознания. Под этим термином нами понимается одна из разновидностей правосознания, развивающаяся в системе общественного сознания населения, отражающая уровень знаний о коррупции, способствующих обеспечению устойчивых убеждений о необходимости осуществлять действия против коррупции в рамках реализации принятых теорий, идей, стратегий (доктрин, концепций, программ, планов и т.п.).

Предложенное определение носит дискуссионный характер. В настоящее время научные исследования в этой области продолжают развиваться⁶. Целесообразно антикоррупционное правосознание исследовать в рамках стратегии государства по противодействию коррупции. Раскрытие основных структурных элементов системы противодействия коррупции позволит более качественно обеспечить научно-методическое сопровождение деятельности по противодействию коррупции, на новом уровне приобрести теоретические и прикладные знания, навыки и умения антикоррупционной работы.

Неукоснительное соблюдение экспертом не только правовых, но и нравственных норм позволяет ему сформулировать объективные выводы в заключении. Среди объектов экспертного исследования центральное место занимает человек (живые лица в статусах подэкспертных). Во многом его судьба зависит от компетентности и непредвзятости эксперта. Это значит, что

потребность во всестороннем исследовании духовно-нравственных начал деятельности судебного эксперта напрямую связана с необходимостью повышения качества проводимых судебных экспертиз. В ряде случаев эксперт не должен искать простых путей выполнения поставленных перед ним задач, важно, чтобы он понимал их общепроцессуальный смысл и нравственную составляющую использования специальных знаний в судопроизводстве.

Развитие необходимых эксперту духовно-нравственных качеств целесообразно осуществлять в повседневной работе судебно-экспертного учреждения. На системной основе проводить профессиональную подготовку государственных экспертов и судебных экспертов, являющихся индивидуальными предпринимателями. Своевременно обеспечивать переподготовку и повышение квалификации субъектов судебно-экспертной деятельности с учетом внедрения в судебно-экспертную практику новых технологий.

Литература

1. Зарубаева Е.Ю. Правопонимание и правосознание как элементы правовой культуры: общее и особенное / Е.Ю. Зарубаева // История государства и права. 2018. № 10. С. 15–21.
2. Комиссарова Я.В. Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве: теория и практика / Я.В. Комиссарова. Москва : Юрлитинформ, 2014. 368 с.
3. Орехова Е.П. Становление и развитие судебной экспертизы / Е.П. Орехова // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2017. № 2 (42). С. 83–90.
4. Россинская Е.Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» / Е.Р. Россинская. Москва : Право и закон ; Юрайт-Издат, 2002. 384 с.
5. Рубис А.С. Что нужно сделать, чтобы судебный эксперт перестал быть «судьей факта», или еще раз о возможности и необходимости оценки достоверности судебных экспертиз / А.С. Рубис // Эксперт-криминалист. 2014. № 2. С. 36–40.
6. Швед А.И. Формирование единого экспертного ведомства: результаты и перспективы / И.А. Швед // Судебная экспертиза Беларуси. 2015. № 1. С. 8–11.
7. Шорохов В.Е. Правосознание как антикоррупционная категория / В.Е. Шорохов // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 8. С. 50–54.

¹ См. подробнее: Швед А.И. Формирование единого экспертного ведомства: результаты и перспективы // Судебная экспертиза Беларуси. 2015. № 1. С. 8–11.

² URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11500293> (дата обращения: 11.06.2020).

³ URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3961&p0=H11900281> (дата обращения: 10.06.2020).

⁴ URL: <http://www.court.gov.by/ru/justicerb/statistics/> (дата обращения: 13.06.2020).

⁵ В этом мнения специалистов в области теории и практики судебной экспертизы в России и Беларуси совпадают. См., напр.: Россинская Е.Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». М., 2002. С. 216 ; Комиссарова Я.В. Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве: теория и практика. М., 2014. С. 213–214.

⁶ См., напр.: Шорохов В.Е. Правосознание как антикоррупционная категория // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 8. С. 50–54.

Противодействие использованию криптовалют в преступных целях: состояние, тенденции, перспективы*

Бушкевич Николай Сергеевич,

следователь по особо важным делам управления анализа практики и методического обеспечения предварительного расследования центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь
n.bushkevich@sledcom.by

Дедковский Андрей Александрович,

заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО», кандидат юридических наук, доцент
a.dziadkouski@gmail.com

Специфичность следовой картины преступлений, механизм которых предусматривает использование блокчейн-технологий и токенов (в том числе криптовалют), показывает недостаточность традиционных криминалистических средств и методов для собирания полноценной доказательственной базы. Авторами предлагаются перспективные направления совместной международной многоуровневой партнерской работы по противодействию рассматриваемых преступлений, а также возможности криминалистических средств и методов выявления, фиксации и сохранения следов преступления, формирования доказательственной базы в новых, виртуальных условиях.

Ключевые слова: токен, криптовалюта, блокчейн, виртуальный кошелек, противодействие.

The specificity of the trace of crimes, the mechanism of which involves the use of blockchain technologies and tokens (including cryptocurrencies), shows the lack of traditional forensic tools and methods for collecting a full evidence base. The authors propose promising areas of joint international multilevel partnership work to counter the crimes under consideration, as well as the possibility of forensic tools and methods for identifying, fixing and preserving traces of a crime, forming an evidence base in new, virtual conditions.

Keywords: token, cryptocurrency, blockchain, virtual wallet, countermeasures.

В настоящее время в Республике Беларусь отмечается рост числа преступлений в сфере высоких технологий. Официальная уголовная статистика отражает масштабы киберпреступности: если в 2016 г. таких преступлений было менее 2500, то в 2018 г. — 4700, а в 2019 г. — свыше 10 500, что почти в четыре раза больше количества зарегистрированных убийств (217), причинения тяжких телесных повреждений (719), изнасилований (117), разбоев (123) вместе взятых¹.

При этом в 2019 г. число IT-преступлений составило 11,9% от общего числа зарегистрированных преступлений, в том числе 8075 — хищение путем использования компьютерной техники, 2185 — несанкционированный доступ к компьютерной информации, 194 — компьютерный саботаж². Конечно, ряд преступных схем включает в себя совокупность преступлений. Например, использование вредоносных программ для получения несанкционированного доступа к учетным записям (закрытому ключу BTC-кошелек) и хищение криптовалюты.

Анализ правоприменительной практики Республики Беларусь свидетельствует о том, что состояние преступности характеризуется не просто ростом киберпреступлений, а фактическим стиранием границ, разделявших их с иными «традиционными» для нашего общества преступлениями. С учетом высокой латентности таких преступлений и отсутствия целенаправленного учета, в 2019 г. были возбуждены 90 уголовных дел, по которым

криптовалюта является либо предметом преступного посягательства, либо средством достижения преступного результата³.

Качественным отличием «традиционных» преступных посягательств от деяний, механизм которых предусматривает использование IT-технологий, является возможность совершения последних удаленно, без физических контактов соучастников. Следовая картина таких преступлений обретает определенную специфичность, и обычных криминалистических средств и методов для собирания полноценной доказательственной базы уже недостаточно. Не являются исключением и преступления, по которым в качестве предмета или средства выступают криптоактивы, в том числе криптовалюта, крипто-облигации. Качество и полнота расследования данной категории уголовных дел во многом зависят от понимания следователем: основополагающих принципов блокчейн-технологий, криповалютной экосистемы, технической и правовой природы криптовалют, точек соприкосновения криптоиндустрии с привычным для нас фиатным финансовым миром.

В настоящее время эволюционно развивающаяся криптоиндустрия характеризуется следующими признаками.

1. Постоянно растет социальная масштабируемость использования криптовалюты в обществе. Согласно статистике сервиса Coin ATM Radar, количество BTC-

* Combating the Use of Cryptocurrencies for Criminal Purposes: The State, Trends, Prospects

Bushkevich Nikolay S., Major Case Investigator of the Directorate of Practice Analysis and Methodological Support of Preliminary Investigation of the Central Office of the Investigative Committee of the Republic of Belarus

Dedkovskiy Andrey A., Head of the Department of Criminal and Legal Disciplines of the Higher Educational Establishment of the Federation of Trade Unions of Belarus International University MITSO, PhD (Law), Associate Professor

банкоматов с 2016 г. по февраль 2020 г. выросло на 600% (6838 шт.), а их физическое расположение до 73 стран. Например, в Российской Федерации, несмотря на затаенную правовой вакуум для криптообщества (с точки зрения скорости развития и внедрения IT-технологий), функционирует 49 BTC-банкоматов, позволяющих осуществлять крипто-обменные операции с фиатными (фидуциарными) валютами в 22 городах⁴.

2. Криптовалюта используется в качестве платежного финансового инструмента. С мая 2019 г. мобильный оператор США AT&T начал принимать оплату через приложение BitPay в BTC и BSN. Браузерное расширение Moon позволяет расплачиваться криптовалютой на одной из самых крупных торговых интернет-платформ Amazon.com. Отель в Швейцарии Dolder Grand с 1 мая 2019 г. начал принимать BTC для оплаты своих услуг. Такой политики придерживаются и некоторые отели Испании (Casual Hotels) и Канады (Sandman Hotel Group). Согласно вступившему в силу с 1 сентября 2019 г. руководству налогового департамента Новой Зеландии зарплата может выплачиваться в BTC и иной криптовалюте⁵.

3. В криптоиндустрии появились крупные институциональные игроки (Morgan Stanley, Goldman Sachs).

4. Некоторые Центробанки разрабатывают собственные стейблкоины. Например, Народный Банк Китайской Народной Республики — двухранговую систему CBDC, крупнейший банк США JPMorgan — цифровую монету JPM coin.

5. Началась торговля биткоин-фьючерсами на платформах Bakkt, BitMEX и CME Group.

6. Криптовалюта получила статус официального платежного средства в ряде стран (Япония, Венесуэла, Исландия, Испания)⁶.

Таким образом, существующие по состоянию на февраль 2020 г. масштабы использования блокчейн-технологий, а также основанных на их принципах криптовалют и вовлеченности в эти процессы членов общества не позволяют говорить о возможности их запрета не только в целях сохранения существующей финансовой системы, но и в рамках противодействия современной преступности, стремительно переходящей в киберпространство.

Анализ состояния преступности в глобальном смысле свидетельствует о приобретении ею за последние пять лет наднационального и межконтинентального характера. По этой причине результативность противодействия современным угрозам и вызовам со стороны преступного сообщества во многом зависит от уровня межгосударственного взаимодействия правоохранительных органов и ряда сопутствующих факторов правового, криминалистического и процессуального (процедурного) свойства.

В этом контексте следует согласиться с мнением ученых и практиков, что без получения информации от зарубежных правоохранительных органов и организаций невозможно эффективное противодействие преступлениям, совершенным с использованием криптовалют⁷.

Неотъемлемой частью организации следственной работы по расследованию преступлений в отношении криптовалюты либо с ее использованием является мониторинг развития криптоиндустрии появляющихся на рынке IT-продуктов в области криптоанализа, ситуационного анализа активности в DarkWeb и их применения при разработке уголовно-процессуальных и криминалистиче-

ских средств противодействия использованию криптовалюты в преступных целях.

Отсутствие каких-либо границ в виртуальном пространстве и невозможности технического установления преград его использования в преступных целях позволяет говорить, что противодействие киберпреступности, включая использование криптовалюты, не является задачей одного государства или одного правоохранительного органа.

Национальный опыт Республики Беларусь по созданию правовых условий развития криптоиндустрии, на наш взгляд достаточно продвинуто в части определения регламента токенизации гражданского общества и бизнеса. И это не только Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики»⁸, создавший правовой прецедент, но и национальный стандарт бухгалтерского учета токенов (постановление Минфина от 06.03.2018 № 16⁹), раскрывающий особенности учета криптовалюты (токенов) при совершении хозяйственных операций с ними, признание и оценка токенов и обязательств по ним.

На первый взгляд эти концептуальные нормативные правовые акты можно было бы рассматривать в качестве своеобразного фундамента для правоохранительной деятельности по противодействию использованию криптовалюты в преступных целях. Однако правовые полномочия следователей в экосистеме на данный момент ограничены лишь возможностью фиксации следов преступлений и собирания доказательств путем проведения следственных осмотров электронно-цифровой информации (с точки зрения процесса — предметов, документов) о движении криптоактивов в блокчейне и содержимом установленных в ходе следствия криптокошельков преступников. Сегодня в Республике Беларусь отсутствует не только правовой регламент, позволяющий изымать у подозреваемых (обвиняемых) похищенную криптовалюту, но и осуществлять ее арест, когда она выступает в качестве средства совершения преступления, например по делам о распространении в DarkWeb наркотиков или порнографии.

Сложность применения указанной меры принуждения в отношении криптовалюты с криминалистической точки зрения связана с технической природой объекта наложения ареста, его характеристиками, плохо вписывающимися в концепцию вещно ориентированного уголовного процесса, а также с отсутствием посредника (финансового регулятора), которому можно было бы предъявить для реализации постановление о наложении ареста на криптовалюту¹⁰.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы.

1. Проблемы выявления и расследования преступлений, совершенных в виртуальном (кибер) пространстве, в том числе с использованием криптовалюты, существуют практически в каждом государстве, и их решение возможно, как нам представляется, только на наднациональном уровне. Обмен научными и практическими знаниями о таком новом и достаточно специфическом сегменте человеческой активности, как криптоиндустрия, формирование партнерских отношений между правоохранителями разных стран являются ключевым компонентом в борьбе с данным видом преступности.

Перспективным представляется осуществление совместной международной многоуровневой партнерской работы, направленной:

— на выявление и анализ новых способов совершения преступлений, механизм которых предусматривает использование криптовалюты;

— разработку эффективных средств и методов обнаружения следов в виртуальном пространстве, собирания доказательств, идентификации и задержания криптопреступников;

— оказание международной технической помощи (поддержки) в оценке и криминалистическом анализе криптотранзакций в случаях использования «миксеров»;

— совместную модернизацию уголовно-процессуальных средств и полномочий для придания криминалистически значимой электронно-цифровой информации статуса доказательства.

2. Следовая картина преступлений, по которым в качестве предмета или средства выступают криптоактивы, в том числе криптовалюта, криптооблигации, является весьма специфичной. Модернизированные схемы достижения преступниками преступного результата свидетельствуют о необходимости постоянного системного совершенствования криминалистических средств и методов выявления, фиксации и сохранения следов преступления, формирования доказательственной базы в новых, виртуальных условиях.

На наш взгляд, необходима разработка методических рекомендаций, включающих:

— основополагающие принципы блокчейн-технологий, криптовалютной экосистемы, технической и правовой природы криптовалюты;

— вопросы хранения изъятой или арестованной криптовалюты с учетом технических решений, предлагаемых криптоиндустрией (наиболее безопасным вариантом ее хранения нам представляется использование ведомственных аппаратных криптокошельков с мультиподписью);

— анонимизацию поисково-следственной работы в DarkWeb;

— возможности использования открытых ресурсов, например, биткойн-платформ Blockchain.com, Blockchain.org;

— листинг торговых онлайн площадок в DarkWeb, при этом для анализа криптотранзакций, а также анализа транзакций при наличии информации о биткойн-адресе преступника, мест нахождения криптовалютных банкоматов целесообразно использовать софты, которые позволяют установить принадлежность кошелька к бирже, сервису или пулу (прежде всего бесплатные);

— определение IP-адресов (ripe.net);

— приобретение лицензий софтов и доступа к сервисам по анализу криптотранзакций, биткойн-адресов, например, средств анализа Chainalysis, Numisight, Elliptic, Crystal;

— взаимодействие с IT-компаниями, финансовыми регуляторами по разработке механизмов обнаружения финансовых следов вывода криптовалюты в фиат.

Качество и полнота расследования данной категории уголовных дел во многом зависят от понимания следователем специфики рассматриваемых общественных отношений. Основное требование к разрабатываемым методическим рекомендациям лежит в плоскости доступности для восприятия используемой терминологии следователем, имеющим классическое юридическое образование.

3. Технологией «Блокчейн», алгоритм построения цепочки блоков и невозможность их отмены технически не позволяют реализовать уголовно-процессуальный запрет на распоряжение криптоактивом в виртуальном пространстве. Владелец закрытого ключа, т.е. информации о нем, является фактическим владельцем криптовалюты, поэтому предоставление подозреваемым (обвиняемым) следователю информации о закрытом ключе его виртуального кошелька не исключает возможность доступа к нему иных лиц, которым этот приватный ключ также известен. Соответственно, гарантировать сохранность средств невозможно.

Представляется, что единственно возможным способом наложения ареста на криптовалюту, обеспечения ее сохранности и последующего использования судом в целях, изложенных в ч. 1 ст. 132 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, является изъятие путем осуществления транзакции (виртуального перемещения) на виртуальный кошелек, подконтрольный правоохранительному органу.

Литература

1. Бушкевич Н.С. Криптовалюта как предмет наложения ареста на имущество / Н.С. Бушкевич // Предварительное расследование. 2019. № 1 (5). С. 63–67.
2. Бычков В.В. Специальные знания, обеспечивающие расследование преступлений, связанных с оборотом криптовалюты / В.В. Бычков, В.Б. Вехов // Российский следователь. 2018. № 2. С. 8–11.
3. Лебедева А.А. Способы совершения преступлений в сфере криптовалюты / А.А. Лебедева // Безопасность бизнеса. 2018. № 4. С. 46–48.
4. Максуров А.А. К вопросу о юридической ответственности за использование криптовалюты при производстве расчетов / А.А. Максуров // Вестник Омской юридической академии. 2018. Т. 15. № 4. С. 428–433.
5. Родивилин И.П. Получение криминалистически значимой информации при расследовании преступлений, совершенных с использованием криптовалют / И.П. Родивилин, В. А. Родивилина // Эксперт-криминалист. 2019. № 1. С. 27–29.

¹ URL: <http://www.mvd.gov.by/ru/page/statistika> (дата обращения: 28.01.2020).

² Там же.

³ Там же.

⁴ URL: <https://coinatmradar.com/> (дата обращения: 05.06.2020).

⁵ URL: <https://coinspot.io/world/novaya-zelandiya-uzakonila-oplatu-truda-v-bitcoinah-i-drugih-kriptovalyutah> (дата обращения: 07.06.2020).

⁶ Максуров А.А. К вопросу о юридической ответственности за использование криптовалюты при производстве расчетов // Вестник Омской юридической академии. 2018. Т. 15. № 4. С. 429.

⁷ Родивилин И.П., Родивилина В.А. Получение криминалистически значимой информации при расследовании преступлений, совершенных с использованием криптовалют // Эксперт-криминалист. 2019. № 1. С. 28.

⁸ Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» // СПС «КонсультантПлюс»: Беларусь.

⁹ Постановление Министерства финансов Республики Беларусь от 16 марта 2018 г. № 16 «Об утверждении Национального стандарта бухгалтерского учета и отчетности „Цифровые знаки (токены)“ и внесении дополнений и изменений в некоторые постановления Министерства финансов Республики Беларусь» // СПС «КонсультантПлюс»: Беларусь.

¹⁰ Бушкевич Н.С. Криптовалюта как предмет наложения ареста на имущество // Предварительное расследование. 2019. № 1 (5). С. 67.

Осмотр места происшествия и «экспертная инициатива»*

Зорин Роман Георгиевич,

начальник научного отдела методического и информационного обеспечения
судебно-экспертной деятельности государственного учреждения
«Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь»,
кандидат юридических наук, доцент
zorinrg@mail.ru

Талецкий Николай Станиславович,

начальник управления Государственного комитета судебных экспертиз
по городу Минску (Республика Беларусь),
полковник юстиции
taletskiy nic@yandex.ru

В настоящей статье авторами была предпринята попытка исследовать критерии, при помощи которых могут быть определены границы экспертной инициативы, реализуемой в рамках следственного осмотра. Исследованы отдельные процессуальные аспекты проявления экспертной инициативы. Проведен анализ экспертной практики.

Ключевые слова: следственные действия, осмотр места происшествия, судебная экспертиза, экспертная инициатива.

In this article, the authors try to examine the criteria which may help identify the limits of expert initiative implemented in the course of an investigatory examination. Some procedural aspects of investigatory examination manifestation have been examined. Expert practice has been analyzed.

Keywords: investigative activities, crime scene examination, forensic examination, expert initiative.

Основными формами использования специальных знаний в уголовном процессе является привлечение специалиста для участия в следственных действиях и проведение судебной экспертизы. Специфика процессуального статуса налагает определенные ограничения на функционал и степень активности специалиста — не предусмотрена возможность проявления им инициативы при участии в следственном действии по аналогии с правом, предоставленным эксперту согласно ч. 1 ст. 236 УПК Республики Беларусь.

Процессуальному законодательству неизвестны такие понятия, как «экспертная инициатива», «экспертный эксперимент», «предварительное экспертное исследование объектов (обстоятельств)» применительно к ситуации производства осмотра места происшествия (далее — ОМП) с участием специалистов. В то же время полнота, всесторонность и объективность экспертного исследования зависят от качества проведения ОМП. Поэтому некоторые ученые высказывают мнение, что «экспертная инициатива» может быть проявлена, когда возникает необходимость проведения экспертного исследования непосредственно на месте происшествия¹.

В широком смысле слова «экспертная инициатива» имеет следующие формы: применение специальных знаний путем оказания консультаций; участие лица, занимающего должность эксперта, в качестве специалиста в ходе процессуальных действий; содействие установлению/выявлению органом, ведущим уголовный процесс, исходных данных, подлежащих экспертному исследованию в рамках экспертного задания; заявление ходатайств о производстве первоначальных, повторных и дополнительных следственных

действий, если это имеет значение при назначении и производстве судебной экспертизы; выбор экспертом методики исследования. Обязательным признаком инициативы, проявляемой обладателем специальных знаний, является ее реализация по собственному усмотрению, а пределы зависят от вида процессуального действия.

Понятие «экспертная инициатива» отражает творческое (эвристическое) начало судебно-экспертной деятельности, а также деятельности лиц, вовлекаемых в уголовный процесс в качестве специалистов. «Экспертную инициативу можно определить и как деятельность, не предусмотренную экспертным заданием, основывающуюся на специальных знаниях и опыте, осуществляемую посредством проведения экспертиз и исследований, прогнозирования, профилактики, формирования, ведения, автоматизации и использования криминалистических баз данных и учетов, и направленную на установление новых обстоятельств уголовного дела»².

В обозначенном контексте можно говорить об «экспертной инициативе» как начальном этапе деятельности по предупреждению и профилактике преступлений, которая предполагает активные действия ее субъектов.

Профилактическая деятельность экспертов на современном этапе осуществляется преимущественно по их инициативе. К объектам экспертной профилактической деятельности относят «материализованные носители информации, исследование которых позволяет выявить обстоятельства, способствующие совершению правонарушений, вещественные доказательства, образцы, протоколы, объекты (вещи, люди, растения, пр.)

* Crime Scene Examination and Expert Initiative

Zorin Roman G., Head of the Science Department of Methodological and Informational Support of Forensic Activities of the State Institution Scientific and Practical Center of the State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus, PhD (Law), Associate Professor

Taletskiy Nikolay S., Head of the Directorate of the State Forensic Examination Committee for Minsk (Republic of Belarus), Colonel of Justice

и их свойства, орудия и средства совершения преступлений, материалы, вещества и изделия как носители информации, события, явления, причины и следствия, взаимосвязи, процессы (экономические, технологические, промышленные), сложные системы»³. Ученые справедливо отмечают, что мнение эксперта, а также специалиста по профилактическим вопросам может быть изложено в протоколе допроса, в протоколе судебного заседания и других процессуальных документах⁴.

Однако до настоящего времени понятие «экспертная инициатива» не имеет правовой регламентации, что существенно ограничивает либо лишает специалиста возможности инициативных действий при участии в следственных и иных процессуальных действиях, когда им установлены обстоятельства, имеющие значение для разрешения уголовного дела (для проведения экспертных исследований, в частности). Пробелы в процессуальном законодательстве оставляют возможность для принятия решений специалистом самостоятельно, что, как было отмечено, является ключевым условием реализации «экспертной инициативы».

По мнению авторов статьи, под «экспертной инициативой» следует понимать «непротиворечащую действующему национальному законодательству профессиональную деятельность эксперта, осуществляемую по его усмотрению и заключающуюся в свободе выбора средств и способов применения специальных знаний, экспертных методик и рекомендаций в ходе следственных и иных процессуальных действий с его участием в целях разрешения уголовно-правового конфликта, предупреждения, раскрытия и расследования преступлений»⁵. Очевидно, что при этом эксперт не вправе по своей инициативе осуществлять деятельность по доказыванию, выходящую за пределы его профессиональной и процессуальной компетенции.

Исходя из того, что УПК Республики Беларусь увязывает «экспертную инициативу» исключительно с ситуацией проведения судебной экспертизы, при производстве процессуальных действий возникает необходимость обращения специалиста к должностному лицу, ведущему уголовный процесс, с инициативой. Например, о расширении границ проводимого ОМП либо переноса его в иное место с учетом выявленных следов передвижения преступника (правонарушителя). Не урегулирован законодательно и вопрос об изъятии объектов, которые, по мнению следователя, не имеют значение для дела, а, по мнению специалиста, напротив, содержат криминалистически значимую информацию.

Одной из важнейших задач специалиста в ходе ОМП является установление наличия или отсутствия негативных обстоятельств, анализ обстановки, следовой картины места происшествия с использованием специальных знаний. В качестве негативных рассматриваются обстоятельства, которые в силу логического объяснения их происхождения могли (либо должны были) иметь место в объективной действительности, но по неустановленным причинам на момент ОМП отсутствуют либо, наоборот, имеются, но их, следуя логике, не должно быть. Специалист вправе вносить собственноручно замечания в протокол ОМП относительно результатов, полученных при его участии, установления негативных обстоятельств, полноты описания хода

ОМП, обосновывать необходимость изъятия тех или иных объектов и осуществления их предварительного экспертного исследования.

Работа специалистов территориальных подразделений Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь (далее — ГКСЭ) при ОМП осуществляется в соответствии с Инструкцией об организации работы сотрудников и лиц гражданского персонала Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, привлекаемых в качестве специалистов для участия в проведении ОМП, утвержденной Приказом Председателя Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь от 17 ноября 2014 г. № 287. В соответствии с Инструкцией контроль качества и результативности ОМП возлагается на руководителей различного уровня территориальных подразделений. В случаях, когда открылись новые, ранее не известные обстоятельства либо первичный осмотр был проведен при неблагоприятных условиях (отсутствии необходимого освещения и т.п.), иницируется проведение дополнительного ОМП. Проведение повторного ОМП иницируется в случаях установления факта некачественного проведения первичного, допущения специалистом существенных недостатков при фиксации следов, влияющих на оценку их достоверности.

На практике в случае объективной необходимости руководители экспертных подразделений выходят перед органом уголовного преследования с инициативой о проведении дополнительного/повторного ОМП. Руководители территориальных экспертных подразделений в адрес руководителей органов внутренних дел и подразделений Следственного комитета направляют обоснованные ходатайства о необходимости привлечения к участию специалиста. Надо признать, данная практика нашла поддержку со стороны взаимодействующих органов и подразделений, благодаря положительным результатам, так как в случаях привлечения специалиста удается изъять (эффективно и качественно) следы и вещественные доказательства, что способствует решению задач следственных действий и уголовного процесса в целом.

26 декабря 2016 г. была утверждена Инструкция № 36/278/338/77/42/7/32/17/28/24, регламентирующая порядок взаимодействия органов прокуратуры, предварительного следствия, дознания и ГКСЭ в ходе досудебного производства, в которой определен порядок организации дежурств специалистов ГКСЭ и их взаимодействия с органами дознания и предварительного следствия.

С учетом положений указанных выше Инструкций «экспертная инициатива» может быть реализована путем заявления ходатайства сотрудником ГКСЭ перед органом уголовного преследования о производстве первоначальных, повторных, дополнительных следственных действий, если это имеет значение для экспертного исследования, как в рамках уже назначенных, так и возможных в перспективе судебных экспертиз.

В течение 2018 г. управлением Государственного комитета судебных экспертиз по г. Минску были инициированы семь ОМП, что дало положительные результаты.

Так, 15 августа 2018 г. органом уголовного преследования был проведен ОМП по факту тайного хищения

имущества из автомашины «Ситроен» в одном из районов г. Минска. В связи с тем, что кузов автомашины находился во влажном состоянии, сотрудник ГКСЭ, участвовавший в осмотре в качестве специалиста, рекомендовал следователю провести дополнительный осмотр после просушки автомобиля. 16 августа был проведен дополнительный осмотр в светлое время суток с участием специалиста, что позволило изъять качественные образцы для сравнительного исследования и иные объекты.

В марте 2018 г. в запертой комнате одного из общежитий г. Минска был обнаружен труп гр-на К. По ходатайству специалиста, направленному в орган уголовного преследования, провели дополнительный осмотр с целью поиска следов, пригодных для криминалистического исследования. Были изъяты четыре следа рук.

В апреле 2018 г. ходе конфликта гр-ка А. причинила ножевое ранение брюшной полости гр-ну Р. Дополнительный осмотр позволил изъять пять следов рук и кухонные ножи. При первоначальном ОМП по данному факту следователь ограничился изъятием следов биологического происхождения. На практике следователи в ущерб изъятию иных следов чаще акцентируют внимание на изъятии именно биологических следов для последующих геномных исследований, не учитывая, что их проведение требует значительных материальных затрат.

Вне зависимости от формы выражения (устная или письменная) «экспертная инициатива» реализуется посредством действий или бездействия, так или иначе влияющих на ход уголовного дела. По нашему мнению, любые инициативные действия специалиста или эксперта, не противоречащие действующему законодательству, направленные на решение стоящих перед ними задач, есть форма проявления «экспертной инициативы» (в широком смысле слова).

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

1. В настоящее время экспертная инициатива — это объективно существующая творческая процессуально значимая составляющая профессиональной деятельности эксперта, важная предпосылка дальнейшего развития науки криминалистики, теории судебной экспертизы (экспертологии), судебно-экспертной деятельности. Ее реализация вне зависимости от формы выражения есть процессуальный акт. К процессуальным актам необходимо отнести побудительные действия эксперта, не противоречащие действующему законодательству, ведущие к реализации экспертной инициативы, их ход и результаты. Следует признать допустимой (правомерной) «экспертную инициативу» в ходе проведения ОМП и иных следственных действий при условии научного, фактологического, нормативного обоснования.

2. По мнению авторов статьи, «экспертная инициатива», реализуемая в рамках ОМП, допустима в следующих основных формах: внесение предложений о переносе или расширении границ ОМП в связи с необходимостью установления, уточнения маршрута при-

бытия или убийства лица, совершившего преступление; помощь при формировании перечня вопросов, подлежащих разрешению с учетом обнаруженных объектов (вещественных доказательств); определение круга предметов материального мира, подлежащих осмотру (исследованию) с участием эксперта (специалиста); выбор используемых технико-криминалистических средств; внесение предложений о назначении тех или иных судебных экспертиз, в том числе комплексных (комиссионных); заявление ходатайств (устно, письменно) о производстве следственных, иных процессуальных действий (например, действий экспериментального характера в рамках ОМП) в целях уточнения исходных данных для экспертных исследований, в том числе ходатайства об участии эксперта в ходе получения объяснений или допроса участников уголовного процесса в целях уточнения обстоятельств и сведений о них, способствующих формированию исходных данных, если это имеет значение для назначения судебной экспертизы; содействие выявлению негативных обстоятельств, их объяснению с учетом специальных знаний; выдвижение экспертной версии касательно механизма преступления; решение профилактических задач.

3. Представляется целесообразным определить посредством норм процессуального права понятия и порядок реализации «экспертной инициативы», «экспертного эксперимента», «предварительного экспертного исследования объектов (обстоятельств)» применительно к производству следственных действий (прежде всего, ОМП).

Литература

1. Алиев И.А. Проблемы экспертной профилактики / И.А. Алиев. Баку : Азернешр, 1991. 312 с.
2. Аубакирова А.А. Интеллектуальные ошибки эксперта при формировании его внутреннего убеждения : монография / А.А. Аубакирова. Москва : Юрлитинформ, 2012. 184 с.
3. Зорин Р.Г. Роль и значение экспертной инициативы в уголовном судопроизводстве / Р.Г. Зорин, Н.С. Талецкий // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2019. № 1 (45). С. 41–48.
4. Никитина И.Э. Актуальные проблемы сотрудничества европейских государств в сфере внутренних дел экспертно-криминалистической и оперативно-розыскной деятельности / И.Э. Никитина // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12. № 3. С. 110–118.

¹ Аубакирова А.А. Интеллектуальные ошибки эксперта при формировании его внутреннего убеждения : монография. М. : Юрлитинформ, 2012. С. 42.

² Никитина И.Э. Актуальные проблемы сотрудничества европейских государств в сфере внутренних дел экспертно-криминалистической и оперативно-розыскной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12. № 3. С. 110–118.

³ См., напр.: Алиев И.А. Проблемы экспертной профилактики. Баку : Азернешр, 1991. С. 87–88.

⁴ Там же. С. 98.

⁵ Зорин Р.Г., Талецкий Н.С. Роль и значение экспертной инициативы в уголовном судопроизводстве // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. тр. Минск, 2019. Вып. 1 (45). С. 46.

О некоторых направлениях совершенствования пожарно-технической экспертизы*

Пасовец Елена Юрьевна,

доцент кафедры организации службы, надзора и правового обеспечения
Университета гражданской защиты
Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент
lana.eu@tut.by

Рыбак Сергей Вячеславович,

декан юридического факультета
Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО»,
кандидат юридических наук, доцент
sergio-minsk@mail.ru

В статье рассмотрены возможности пожарно-технической экспертизы с учетом современных тенденций науки и практики. Уделено внимание экспертным ошибкам, вследствие которых заключение может быть неполным, некорректным или утратить значение источника доказательств. В целях минимизации экспертных ошибок и повышения результативности заключения эксперта обосновывается целесообразность создания программы «АФТЕ», призванной оказать существенную помощь эксперту при проведении пожарно-технической экспертизы. Раскрыт ее содержательный компонент. Авторы обосновывают необходимость совершенствования УПК Республики Беларусь путем регламентации нормы, обязывающей следователя письменно обосновывать свое несогласие с выводами эксперта и отражать это при составлении итоговых процессуальных документов.

Ключевые слова: пожарно-техническая экспертиза, IT-технологии, экспертные ошибки, выводы эксперта, мотивация несогласия следователя, программное обеспечение «АФТЕ».

The article considers the possibilities of fire-technical expertise, taking into account current trends in science and practical application, pays attention to expert errors, due to which the conclusion may be incomplete, incorrect, or lose the value of the source of evidence. In order to minimize expert errors and improve the effectiveness of the expert's conclusion, the authors justify the feasibility of creating an "AFTE" programme designed to provide significant assistance to the expert during the fire-technical examination. Its content component is revealed. The authors justify the need to improve the Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus by regulating the norm that obliges the investigator to justify in writing his disagreement with the expert's conclusions and reflect this when drawing up the final procedural documents.

Keywords: fire-technical expertise, IT technologies, expert errors, expert conclusions, motivation of the investigator's disagreement, AFTE software.

Важнейшей составляющей безопасности государства является пожарная безопасность, предполагающая состояние защищенности личности, имущества, общества от пожаров. В соответствии с Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь пожарную безопасность представляется корректным рассматривать как составную часть социальной и экологической безопасности¹. По статистике, в Республике Беларусь ежегодно происходит около 5 тыс. пожаров. Снижение числа пожаров является приоритетной задачей, решение которой возложено на ряд государственных органов, в первую очередь на Министерство по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь.

По каждому факту пожара в Беларуси проводится проверка. Нередко (при наличии данных, указывающих на криминальный характер пожара) эта проверка осуществляется в порядке ст. 173–174 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК). Органы государственного пожарного надзора по уголовным делам о пожарах и нарушении противопожарных правил, согласно ст. 37, ч. 1, п. 8 УПК, являются органами дознания. Соответственно, именно они про-

водят проверку по материалам, а также дознание по уголовным делам указанной выше категории преступлений. При этом, как правило, назначается пожарно-техническая экспертиза

Известно, что объектами пожарно-технической экспертизы являются: материальная обстановка места пожара; документальные данные, характеризующие конструктивно-планировочное устройство объекта, где произошел пожар, степень и характер термического воздействия на его конструктивные элементы и предметы вещной обстановки; данные, характеризующие само явление пожара, обстоятельства его возникновения, обнаружения, процесс развития и ликвидации горения на пожаре; предметы и материалы, имеющие следы горения; технические средства поджога и т.д.²

В зависимости от конкретных обстоятельств возникновения и развития пожара на разрешение экспертов могут быть поставлены различные вопросы, требующие применения специальных знаний. Прежде всего, лицом, осуществляющим расследование уголовного дела или проверку по материалам, ставятся

* On Some Areas of the Improvement of Fire Investigation

Pasovets Elena Yu., Associate Professor of the Department of Arrangement of Service, Supervision and Legal Support of the University of Civil Protection of the Ministry for Emergency Situations of the Republic of Belarus, PhD (Law), Associate Professor

Rybak Sergey V., Dean of the Law Faculty of the Higher Educational Establishment of the Federation of Trade Unions of Belarus International University MITSO, PhD (Law), Associate Professor

вопросы относительно установления места (очага) и времени возникновения пожара, динамики развития горения в пространстве и времени. Также важны вопросы: по установлению технических данных, связанных с выяснением обстоятельств произошедшего пожара; касающиеся установления фактов нарушения правил пожарной безопасности; по определению непосредственной (технической) причины возникновения пожара (источника загорания).

Так, в соответствии со ст. 89 УПК источниками доказательств являются: показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля; заключения эксперта; вещественные доказательства; протоколы следственных действий, судебного заседания и оперативно-разыскных мероприятий; иные документы и другие носители информации, полученные в порядке, предусмотренном УПК. Законодатель определяет заключение эксперта как процессуальный документ, удостоверяющий факт исследования экспертом материалов, представленных органом, ведущим уголовный процесс, ход этого исследования и содержащий ответы на поставленные перед экспертом вопросы, основанные на специальных знаниях этого эксперта в области науки, техники, искусства, ремесла и других сферах деятельности (ч. 1 ст. 95 УПК). Очевидно, что заключение по результатам пожарно-технической экспертизы в процессе проведения проверки по делам о пожарах является источником доказательств и на практике имеет существенное значение.

Согласно ч. 2 ст. 95 УПК заключение эксперта не является обязательным для органов, ведущих производство по делу. Но здесь же законодатель обязывает следователя мотивировать свое несогласие с выводами, изложенными в заключении эксперта. При этом не уточняется, в каких процессуальных документах должна быть отражена эта мотивация. Логичным видится ее отражение в справке, подготавливаемой следователем для прокурора при принятии решения о передаче уголовного дела прокурору для направления в суд. Однако эта справка не составляется на этапе проведения проверки по материалам, при осуществлении дознания, а также при принятии решения о прекращении предварительного расследования (уголовного преследования). В остальных вариантах окончания предварительного расследования она не подшивается в уголовное дело, а остается у прокурора. Поэтому суд не может видеть зафиксированную в ней информацию.

Загромождать постановление о привлечении в качестве обвиняемого мотивацией несогласия с выводами эксперта представляется нецелесообразным. На наш взгляд, отражать мотивы несогласия с выводами эксперта необходимо в заключительном процессуальном документе, выносимым следователем по результатам расследования: в постановлении о прекращении производства по уголовному делу; постановлении о передаче уголовного дела прокурору для направления в суд; постановлении о передаче уголовного дела прокурору для направления в суд для решения вопроса о применении принудительных мер безопасности и лечения. В этом случае с мнением уполномоченного органа относительно выводов эксперта смогут ознакомиться все заинтересованные в исходе дела лица. Предлагаем внести соответствующие изменения в ст. 251, 260 и 444 УПК.

По материалам и уголовным делам о пожарах и нарушениях противопожарных правил выводы эксперта чрезвычайно важны при установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию. Велико их значение при принятии окончательного решения по результатам проверки или расследования уголовного дела. В то же время пожарно-техническая экспертиза характеризуется повышенным риском допущения экспертом ошибок, вследствие которых заключение может быть неполным или не полностью корректным.

Как показывает практика, к основным источникам ошибок в ходе проведения экспертизы относятся:

— изъятие предметов, материалов, документов, потенциально являющихся источниками доказательств и, соответственно, возможными объектами экспертных исследований, с нарушением (несоблюдением в полном объеме) уголовно-процессуальных требований, предъявляемых к данной процедуре и ее оформлению (извлечению, описанию при осмотре, упаковке, заверению подписями уполномоченных участников процесса, транспортировке, хранению и т.д.);

— несостоятельность примененных экспертом методов исследования вследствие отсутствия навыков поиска и систематизации информации (представляется, для исключения данного источника ошибок целесообразно разрабатывать и проводить на постоянной основе курсы повышения квалификации по инновационным программам в сфере судебно-экспертной деятельности, освещать научные достижения в рамках служебной подготовки и т.д.);

— неприменение методов, доступных для использования в ходе исследования на современном этапе развития науки и экспертных технологий.

Сегодня в судебно-экспертную практику активно внедряются технологии, которые оптимизируют процесс исследования и минимизируют риски экспертных ошибок при его проведении. Ученые предлагают использовать ИТ-технологии, большие искусственные нейронные сети при проведении экспертизы, задействовать при получении и хранении экспертных данных искусственный интеллект и продукты цифровизации³.

С целью повышения качества пожарно-технических экспертиз считаем целесообразным создание специализированной программы с рабочим названием «АФТЕ» (Assistant fire technical expertise). Полагаем, что такого рода программа могла бы стать хорошим подспорьем для специалистов при осмотре места пожара и экспертов при проведении исследования. Данное программное обеспечение должно быть портативным, так как его использование предполагается непосредственно при осмотре места происшествия. Попытаемся кратко описать сущность программы и ее предполагаемые возможности.

В целях структурирования получаемой информации, следует предусмотреть три режима функционирования программы: «Объект», «Вещественные доказательства», «Информация».

Режим «Объект». Этот режим должен обеспечивать накопление информации о месте происшествия. В зависимости от места нахождения объекты можно разделить на находящиеся внутри и вне помещения. Дальнейшие уточнения таких параметров происшествия, как характеристики зоны возникновения пожара, перечня находящихся поблизости от очага пожара

предметов, детализация этих предметов, описание поврежденных частей здания и оборудования, позволят программе на основе анализа полученных параметров выдать рекомендации по исследованию тех или иных объектов и определить возможные причины пожара. Представляется целесообразным построение в данном режиме 3D-модели места пожара, конструируемой на основе фотоснимков специалиста при осмотре места происшествия.

Режим «Вещественные доказательства». В основу работы режима имеет смысл заложить алгоритм исследования того или иного объекта экспертизы. По сути, данный режим должен включать систему современных экспертных методик, которые используются в процессе проведения экспертизы. В Республике Беларусь такой банк данных экспертных методик содержится в Реестре судебно-экспертных методик и иных методических материалов Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь⁴. Эксперт мог бы вносить в данном режиме количественные и качественные характеристики объекта экспертизы, его особенности и получать рекомендуемую к использованию методику для исследования объекта. Представляется целесообразным для повышения эффективности экспертного процесса обеспечить в данном режиме и возможность диагностики объекта экспертизы, для чего программное обеспечение должно быть интегрировано с различными базами данных. Например, при изъятии в ходе осмотра места происшествия в месте предполагаемого очага возгорания металлической детали с маркировкой, «ilips HD9310/93», при описании ее в данном режиме программа «выдает» информацию о предмете в целом: электрочайник дисковый Philips HD9310/93.

Режим «Информация». В основе работы режима мы видим сведения о личности погибшего либо травмированного лица, а также демографический и социальный принципы деления общества. По данным, вводимым в графы «Возраст», «Пол» и др., программа определяет принадлежность лица к одной из следующих половозрастных групп: малолетние, несовершеннолетние в возрасте от 14 до 16 лет, несовершеннолетние старше 16 лет, совершеннолетние, престарелые. Кроме того, в программу вносятся данные о социальном положении: состоял ли человек на наркологическом, психиатрическом учетах, учете как член семьи, находящейся в социально опасном положении, курил ли и т.д. Каждая из данных групп имеет определенную структуру параметров, позволяющих по итогам заполнения граф составить психологический портрет погибшего либо

травмированного лица. В рассматриваемом режиме в процессе проведения экспертизы также вносятся данные о системе пожарной сигнализации, системе автоматического пожаротушения и др. Все это позволит программе выделить возможные причины пожара и нарушения правил пожарной безопасности в соответствии с действующим законодательством. Данная информация может быть полезна органу дознания либо предварительного следствия при квалификации деяния.

В заключение следует акцентировать внимание на том, что мы не предлагаем принципиально новую методику проведения экспертных исследований по делам о пожарах. Создание программы — идея, предлагаемая к обсуждению ученым и практикам. Полагаем, что ее разработка и внедрение в экспертную деятельность положительно повлияют на продуктивность и результативность работы экспертов при проведении пожарнотехнических экспертиз, ускорят процесс проведения экспертных исследований и отчасти снизят риски экспертных ошибок.

Литература

1. Жигалов Н.Ю. Некоторые проблемы при назначении и производстве пожарнотехнической экспертизы / Н.Ю. Жигалов, Г.В. Плотникова // Российский следователь. 2017. № 13. С. 3–6.
2. Пасовец Е.Ю. Назначение судебных экспертиз по делам о пожарах : практикум / Е.Ю. Пасовец. Минск : КИИ, 2016. 79 с.
3. Таубкин И.С. О признаках, способах и средствах поджога / И.С. Таубкин // Российский следователь. 2014. № 18. С. 7–11.
4. Черничук Ю.П. Судебная пожарнотехническая экспертиза: как определить компетентность эксперта? / Ю.П. Черничук // Российский судья. 2016. № 9. С. 12–16.

¹ Указ Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 «Об утверждении концепции национальной безопасности Республики Беларусь» (в ред. Указа Президента Республики Беларусь от 24.01.2014 № 49) // СПС «КонсультантПлюс»: Беларусь.

² Пасовец Е.Ю. Назначение судебных экспертиз по делам о пожарах : практикум. Минск : КИИ, 2016.

³ См., напр.: Иванов А.И., Газин А.И., Качайкин Е.И., Андреев Д.Ю. Автоматизация почерковедческой экспертизы, построенная на обучении больших искусственных нейронных сетей. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtomatizatsiya-pocherkovedcheskoj-ekspertizy-postroennaya-na-obucheniibolshih-iskusstvennyh-neyronnyh-setey/> (дата обращения: 02.06.2020).

⁴ Судебная экспертиза в Беларуси: опыт, достижения, новации. URL: http://sudexpert.gov.by/special/ru/centr-news.html?news_id=4631 (дата обращения: 02.06.2020).

Уважаемые авторы!

Сообщаем о возможности присвоения DOI ранее опубликованным или планируемым к публикации статьям в наших журналах!

По всем вопросам, связанным с присвоением DOI вашим статьям, просим обращаться по адресу электронной почты: ig@lawinfo.ru, с пометкой «DOI для статьи».

Пути совершенствования защиты прав подозреваемого, обвиняемого при назначении судебной экспертизы в ходе предварительного расследования*

Романюк Дмитрий Александрович,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО»
di.rom@mail.ru

Самойлов Эдуард Игоревич,
преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО»
eduard.samoilov.13@gmail.com

В статье проведен анализ тактики назначения судебной экспертизы и ее проведения на стадии предварительного расследования. Защитнику редко удается реализовать право постановки вопросов эксперту при назначении судебной экспертизы. Одной из причин этого служит законодательный пробел, позволяющий лицу, проводящему расследование, не знакомить защитника с вынесенным постановлением. Авторами приведены различные точки зрения по исследуемому вопросу, предложены пути решения обозначенной проблемы.

Ключевые слова: следственные действия, назначение судебной экспертизы, защитник подозреваемого (обвиняемого), постановление о назначении судебной экспертизы, заключение эксперта.

The article analyzes the tactics of assigning forensic expertise and its implementation at the stage of preliminary investigation. The defender rarely manages to exercise the right to ask questions to the expert during a forensic examination. One of the reasons for this is the legal gap that allows the person conducting the investigation not to acquaint the defender with the decision. The authors present various points of view on the issue under study, and suggest ways to solve this problem.

Keywords: investigative actions, appointment of a forensic examination, defence counsel for the suspect (accused), decree on the appointment of a forensic examination, expert opinion.

Судебная экспертиза заключается в исследовании экспертом вещественных доказательств, иных объектов и материалов с целью установления фактических данных и обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Заключение эксперта как источник доказательств требует от органа, ведущего уголовный процесс, применять при его получении подходы, отличающиеся от применяемых при собирании других доказательств¹. Следователь в силу исполняемых обязанностей знаком со всеми материалами уголовного дела. Он самостоятельно принимает решение о необходимости привлечения к уголовному делу лица, обладающего специальными знаниями, и назначении экспертизы.

В соответствии со ст. 227 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК), признав необходимым назначение экспертизы, следователь, лицо, производящее дознание, выносят об этом постановление, в котором указываются: основания назначения экспертизы; фамилия эксперта или наименование организации, в которой должна быть проведена экспертиза; вопросы, поставленные перед экспертом; материалы, предоставляемые в распоряжение эксперта. Постановление о назначении экспертизы обязательно к исполнению лицами, организациями, которым оно адресовано и в компетенцию которых это входит.

Выводы эксперта зависят от того, как сформулированы вопросы, изложенные в постановлении о назначении экспертизы, выносимые на его разрешение. В соответствии

с ч. 4 ст. 227 УПК до направления постановления о назначении экспертизы для его исполнения следователь, лицо, производящее дознание, обязаны ознакомить с ним подозреваемого, обвиняемого, за исключением случаев, когда обвиняемый находится в розыске, их законных представителей, а также подвергаемых экспертизе потерпевшего и свидетеля и разъяснить им права, предусмотренные ст. 229 УПК.

Как видно, установленный законодателем порядок не содержит требования об ознакомлении с постановлением о назначении судебной экспертизы защитника подозреваемого (обвиняемого), что лишает защитника возможности поставить на разрешение эксперта интересующие вопросы, заявить отвод эксперту и т.п. Вызвано это отсутствием в УПК указания на обязанность ознакомить защитника с постановлением о назначении судебной экспертизы и предоставить возможность заявить соответствующие ходатайства до направления материалов на исследование эксперту и, что немаловажно, до проведения самой судебной экспертизы.

Защитник оказывается в законодательной ловушке и зачастую имеет возможность изучить постановление о назначении экспертизы и заключение эксперта постфактум, в ходе ознакомления с материалами уголовного дела при направлении в суд. Во-первых, в таком случае анализ оснований назначения экспертизы и оценка ее результатов осложняются необходимостью восприятия большого объема информации, содержащейся в материалах дела.

* Ways to Improve the Protection of Rights of the Suspect Accused in the Appointment of Judicial Examination in the Course of Preliminary Investigation
Romanyuk Dmitriy A., Associate Professor of the Department of Criminal and Legal Disciplines of the Higher Educational Establishment of the Federation of Trade Unions of Belarus International University MITSO
Samoylov Eduard I., Lecturer of the Department of Criminal and Legal Disciplines of the Higher Educational Establishment of the Federation of Trade Unions of Belarus International University MITSO

Во-вторых, если в ходе экспертизы предмет исследования видоизменен или уничтожен, при наличии у защитника обоснованных вопросов ответить на них в ходе повторной или дополнительной экспертизы будет невозможно. Это влечет утерю и невозможность доказательств. В-третьих, наличие обязанности ознакомить с постановлением о назначении экспертизы подозреваемого (обвиняемого) не всегда позволяет обеспечить защиту его прав должным образом. В силу уровня образования, отсутствия специальных знаний и специфики психоэмоционального состояния человек может не в полной мере объективно воспринимать значение судебной экспертизы для следствия и суть вопросов, поставленных эксперту на разрешение.

В этой ситуации белорусские правоприменители не одиноки. К примеру, согласно ч. 3 ст. 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) следователь знакомит с постановлением о назначении судебной экспертизы подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, его представителя и разъясняет им права. Как видно, ознакомление защитника предусмотрено, но не определено время его проведения. Подобная формулировка позволяет знакомить защитника с постановлением о назначении экспертизы после того, как экспертиза была проведена. В этой части норма УПК РФ также несовершенна².

Вопрос о нарушении конституционных прав и свобод положениями ст. 195 и 198 УПК РФ неоднократно рассматривался Конституционным Судом РФ. Так, в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июня 2004 г. № 206-О сказано, что ознакомление с постановлением о назначении экспертизы по смыслу приведенных норм, рассматриваемых в системной связи, должно быть осуществлено до начала производства экспертизы: «Иначе названные участники процесса лишаются возможности реализовать связанные с ее назначением и вытекающие из конституционного принципа состязательности и равноправия сторон права, закрепленные статьей 198 УПК Российской Федерации. Данное требование части третьей статьи 195 УПК Российской Федерации распространяется на порядок назначения любых судебных экспертиз, носит императивный характер и обязательно для исполнения следователем, прокурором и судом на досудебной стадии судопроизводства во всех случаях»³.

С принятием Пленумом Верховного Суда РФ 21 декабря 2010 г. Постановления № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (в п. 9 судам напомнили, что подозреваемый, обвиняемый и их защитники, а также потерпевший должны быть ознакомлены с постановлением о назначении экспертизы до ее производства) ситуация в российских судах мало изменилась. Выводы, аналогичные вышеприведенным, имеются и в других определениях Конституционного Суда РФ⁴.

Анализируя сложившуюся судебную практику, специалисты отмечают, что позиция, высказанная Конституционным Судом РФ, побуждает заинтересованных участников уголовного судопроизводства обжаловать порядок ознакомления с постановлением о назначении судебной экспертизы: «Обвиняемые и адвокаты прекрасно понимают, что по ряду составов преступлений заключение эксперта является одним из ключевых доказательств по уголовному делу и его исключение как недопустимого доказательства позволяет стороне защиты пробить серьезную брешь в доказательствах, собранных следователем, а в ряде случаев привести к прекращению уголовного дела или вынесению судьей оправдательного приговора»⁵. Иными словами, подозреваемые, обвиняемые и их защитники вправе требовать признания заключения эксперта недопустимым доказательством ввиду нарушения установленной законом процедуры его получения, что должно расцениваться как

нарушение права на защиту, принципа состязательности и равноправия сторон.

Подобная практика способствовала появлению законопроекта № 500607-7 «О внесении изменений в часть 3 статьи 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», в котором предложено изложить указанную норму в следующей редакции: «Следователь до направления материалов уголовного дела для производства судебной экспертизы в порядке части 1 статьи 199 настоящего Кодекса знакомит с постановлением о назначении судебной экспертизы подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, его представителя и разъясняет им права, предусмотренные статьей 198 настоящего Кодекса. Об этом составляется протокол, подписываемый следователем и лицами, которые ознакомлены с постановлением. В случае проведения судебной экспертизы при проверке сообщения о преступлении, а также в случаях, не терпящих отлагательства ее проведения или наличия иных объективных причин, по которым ознакомление указанных участников уголовного судопроизводства с постановлением о назначении судебной экспертизы до направления материалов уголовного дела для ее производства является невозможным, ознакомление проводится при появлении для этого реальной возможности незамедлительно»⁶.

На наш взгляд, белорусскому законодателю целесообразно сделать зеркальный шаг, включив защитника (при его наличии) в круг лиц, подлежащих обязательному ознакомлению с постановлением о назначении судебной экспертизы, и обязать проводить ознакомление до того, как постановление и прилагаемые материалы будут направлены эксперту(ам). Подобные действия в первую очередь нацелены на защиту прав лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, и полноценную реализацию принципа состязательности уголовного судопроизводства.

Еще одна сопутствующая проблема связана с отсутствием сроков ознакомления с постановлением о назначении экспертизы. Есть мнение, что срок должен составлять не менее пяти суток до начала производства экспертизы, иначе заинтересованные участники процесса не смогут своевременно реализовать свои права⁷. Подобный подход теоретически обоснован, но затруднителен в реализации на практике и будет иметь ряд ограничений, в большей мере связанных с назначением экспертиз до возбуждения уголовного дела и при отсутствии подозреваемого (обвиняемого) по уголовному делу.

Следует обратить внимание на существующий разрыв между теорией и правоприменительной практикой. Встречается ознакомление подозреваемых, обвиняемых и их защитников с постановлениями о назначении судебной экспертизы после окончания самих экспертиз. Данные ситуации складываются как в России, так и в Беларуси. Примером может служить случай из адвокатской практики одного из авторов статьи.

В производстве суда г. Полоцка (Республика Беларусь) находилось административное дело в отношении гр-на П. о совершении правонарушения, предусмотренного ст. 16.10 Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь (далее — КоАП), — незаконные действия с некурительными табачными изделиями, предназначенными для сосания и (или) жевания. В ходе вынесения постановления о назначении судебной экспертизы сторона защиты не была с ним ознакомлена, как следствие, не имела возможности участвовать в формулировке вопросов, поставленных на разрешение эксперта. В заключении экспертом было указано: «Предоставленные на исследование измельченные вещества со специфическим запахом содержат в своем составе никотин, мел или известь. Эксперт пришел к основному выводу о том, что данный состав характе-

рен для некурительного табачного изделия типа „снюса“, предназначенного для сосания или жевания».

С данным выводом сторона защиты не согласилась в полном объеме, посчитав заключение эксперта необоснованным, а также составленным с неправильным применением норм права в исследуемой области. В обоснование своей позиции защита указала следующее:

1. В ходе проведения экспертизы должным образом не были выполнены требования о допустимости и достоверности методов, используемых при проведении экспертных исследований, предусмотренных Законом Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 293-З «О государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь». Исходя из анализа литературы, использованной экспертом, можно сделать вывод о том, что литература не имеет отношения к исследованию и является устаревшей. Вопросы отнесения исследуемых объектов к указанным веществам (конкретному виду табачного изделия), а также законности их оборота, не мотивированы. Кроме того, они не входят в компетенцию Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь (далее — Госкомитет судебных экспертиз).

В ответах на запросы в государственные органы Республики Беларусь преимущественно отмечалось, что «указанная продукция не урегулирована техническими регламентами, не подпадает под регулирование правового поля и не относится к определенному виду продукции». В ответе Госкомитета судебных экспертиз предлагал обратиться в Министерство антимонопольного регулирования и торговли, которое, в свою очередь, отметило, что «указанная продукция не является некурительными табачными изделиями, предназначенными для сосания или жевания».

2. В ходе проведения экспертизы эксперт руководствовался не всеми необходимыми нормативными правовыми актами. Экспертом не учтено Положение «О государственном регулировании производства, оборота и потребления табачного сырья и табачных изделий», утвержденное Декретом Президента Республики Беларусь от 17 декабря 2002 г. № 28. Для признания нетабачной никотинсодержащей продукции некурительными табачными изделиями, предназначенными для сосания и (или) жевания, необходимо доказательство одновременного изготовления продукции с использованием как табака, так и щелочного компонента (мела, извести или прочих щелочных компонентов).

Ввиду отсутствия в составе объекта исследования табака защита пришла к выводу о том, что товар не является некурительным табачным изделием, предназначенным для сосания и (или) жевания, в том числе снюсом или насваем. Суд вынес решение в пользу подзащитного.

Приведенный пример свидетельствует о том, что от формулировки вопросов к эксперту зависит обоснованность и доказательственное значение его заключения. Следовательно, отмеченное нами несовершенство норм УПК должно быть устранено. Для этого необходимо внести изменения, направленные на исключение возможных нарушений положений ст. 229 УПК путем обязательного ознакомления защитника с постановлением о назначении судебной экспертизы до ее проведения. Предлагается изложить ч. 4 ст. 227 УПК в следующей редакции:

«До направления постановления для исполнения следователь, лицо, производящее дознание, обязаны ознакомить с ним подозреваемого, обвиняемого, за исключением случаев, когда обвиняемый находится в розыске, их законных представителей, защитника, а также подвергаемых экспертизе потерпевшего и свидетеля и разъяснить им права, установленные статьей 229 настоящего Кодекса. Об этом составляется протокол, который подписывается следователем, лицом, производящим дознание, и лицом, ознакомленным с постановлением. В случае проведения судебной экспертизы при проверке сообщения о преступлении, а также

в случаях, не терпящих отлагательств ее проведения или наличия иных объективных причин, по которым ознакомление указанных участников уголовного судопроизводства с постановлением о назначении судебной экспертизы до направления постановления для исполнения невозможно, ознакомление проводится незамедлительно при первой возможности».

Введение обязательного ознакомления защитника с постановлением о назначении судебной экспертизы до его исполнения обеспечит возможность постановки перед экспертом всех вопросов, имеющих значение для дела, положительно повлияет на реализацию права подозреваемого, обвиняемого на защиту, а также послужит объективному пониманию проводимого следственного действия.

Литература

1. Дударева М.А. О праве подозреваемого, обвиняемого на ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы / М.А. Дударева // Законодательство и практика. 2019. № 1. С. 5–8.
2. Дьяконова О.Г. Своевременное информирование участника судопроизводства как гарантия реализации права при назначении и производстве судебной экспертизы / О.Г. Дьяконова // Эксперт-криминалист. 2019. № 2. С. 5–7.
3. Исаенко В.Н. Об ознакомлении обвиняемого с постановлением о назначении судебной экспертизы / В.Н. Исаенко // Уголовное право. 2015. № 1. С. 129–134.
4. Кузнецова С.М. Проблемные вопросы ознакомления с постановлением о назначении экспертизы в уголовном судопроизводстве / С.М. Кузнецова // Актуальные проблемы науки и практики. 2018. № 2. С. 205–209.
5. Рубис А.С. Процессуальный и криминалистический аспекты оценки достоверности судебных экспертиз / А.С. Рубис // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики при раскрытии и расследовании. Минск: Академия МВД, 2013. С. 226–233.
6. Шигуров А.В. Проблемы участия адвоката-защитника в назначении судебной экспертизы на досудебном производстве по уголовному делу / А.В. Шигуров // Адвокатская практика. 2013. № 4. С. 15–19.

¹ Рубис А.С. Процессуальный и криминалистический аспекты оценки достоверности судебных экспертиз // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики при раскрытии и расследовании. Минск: Академия МВД, 2013. С. 226.

² По данному вопросу см.: Шигуров А.В. Проблемы участия адвоката-защитника в назначении судебной экспертизы на досудебном производстве по уголовному делу // Адвокатская практика. 2013. № 4. С. 15–19; Исаенко В.Н. Об ознакомлении обвиняемого с постановлением о назначении судебной экспертизы // Уголовное право. 2015. № 1. С. 129–134; Дьяконова О.Г. Своевременное информирование участника судопроизводства как гарантия реализации права при назначении и производстве судебной экспертизы // Эксперт-криминалист. 2019. № 2. С. 5–7.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 18 июня 2004 г. № 206-О «По жалобе гражданина Корковидова Артура Константиновича на нарушение его конституционных прав статьями 195, 198 и 203 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См., напр.: Определение Конституционного Суда РФ от 17 июня 2013 г. № 1005-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Республики Таджикистан Вохидова Исроила Исмоиловича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 195 и частью первой статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2015 г. № 257-О «По жалобе гражданина Шилова Сергея Яковлевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 195 и 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Кузнецова С.М. Проблемные вопросы ознакомления с постановлением о назначении экспертизы в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы науки и практики. 2018. № 2. С. 206.

⁶ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/500607-7> (дата обращения: 10.06.2020).

⁷ Дударева М.А. О праве подозреваемого, обвиняемого на ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы // Законодательство и практика. 2019. № 1. С. 7.

Эксперт — тот, кто знает, чего не знаем мы, или кто знает то, что мы должны знать?*

Ропот Руслан Михайлович,

доцент кафедры криминалистических экспертиз
следственно-экспертного факультета
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент
r.r.m.86@mail.ru

Рубис Александр Сергеевич,

профессор кафедры уголовного процесса
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь,
доктор юридических наук, профессор
mr.rubis@gmail.com

Развитие научных знаний во всех его проявлениях неизбежно влияет на судебно-экспертные технологии, которые, в свою очередь, обязательно должны быть интегрированы в процесс доказывания. Разумное соединение экспертных технологий со следственными необходимо, прежде всего, для гарантированного обнаружения максимально возможного объема следовой информации. Деятельность судебного эксперта по трансформации следовой картины преступления в процессуальные источники доказательств, в рамках и пределах его полномочий и компетенции, носит поисково-познавательный характер. Сегодня нормы уголовно-процессуального законодательства должны быть наполнены новым криминалистическим содержанием, отражающим способы, приемы и методы тактики судебно-экспертной деятельности.

Ключевые слова: *судебная экспертиза, доказывание, экспертная тактика, достоверность заключения эксперта.*

The development of scientific knowledge inevitably impacts forensic technologies, which in their turn shall be integrated into the proving process. A reasonable combination of forensic technologies with investigational ones is first of all necessary for the guaranteed detection of the maximum possible amount of trace information. Forensic expert's activities on the transformation of the trace picture of a crime into procedural sources of evidence, within their powers and competence, are of an exploratory and cognitive nature. Today, the norms of criminal procedure laws shall be filled with new criminalistic content, which reflects the ways and methods of forensic activity tactics.

Keywords: *forensic examination, proving, expert tactics, reliability of the expert's conclusion.*

Институт судебной экспертизы является значимым и зачастую решающим средством получения достоверной информации о механизме образования следовой картины преступления и обстоятельствах случившегося. На какие бы специальные знания не опирался эксперт, экспертиза всегда представляет собой процесс исследования, протекающий в рамках судебного доказывания и подчиненный его целям¹. При этом законодательно судебный эксперт — фигура независимая и процессуально самостоятельная. Но тогда возникают вопросы. Обязан ли эксперт реализовывать свои полномочия в русле деятельности всех субъектов доказывания, руководствуясь единым целеполаганием правосудия? Или он настолько самостоятелен и независим, что для него в приоритете только профессиональные критерии при осуществлении процессуальных полномочий, свои цели и задачи, автономные от общих задач правоприменения, для решения которых он, собственно говоря, и предназначен? На первый взгляд ответы на данные вопросы можно найти, ознакомившись с нормативными правовыми актами. Однако среди правоприменителей до сих пор нет единого понимания функций и роли судебного эксперта, что не способствует повышению эффективности судебно-экспертного обеспечения доказывания.

Среди правоприменителей распространены взгляды, в соответствии с которыми существует чрезвычайное до-

верие к заключению эксперта. Они основаны на теории, считающей эксперта «научным судьей» или «судьей факта». В свое время об этом писал Л.Е. Владимиров: «Судьи не могут критически относиться к экспертизе, для понимания основания которой требуется ряд научных знаний. Им остается только следовать авторитарному указанию экспертов. Суд самостоятелен в выборе экспертов. Но раз последние выбраны, судья следует за ним как слепой за поводырем»².

Жизнеспособность такого подхода обусловлена тем, что современная практика доказывания не обладает эффективным инструментарием по оценке заключения эксперта, а процессуально уполномоченные лица не в состоянии реально проанализировать содержательную сторону проведенного исследования, определить рациональность выбора и применения соответствующих методов (методик) и оборудования, проверить правильность проведенных расчетов и, пожалуй, самое главное — оценить объективность установления причинно-следственных связей между проведенным исследованием и его результатами.

Сторонники другой известной точки зрения склонны считать эксперта «инструментом», «увеличительным стеклом», своего рода иллюзионистом, который должен действовать в русле требований субъекта доказывания, едва ли не в режиме «чего изволите».

* Is the Expert the One Who Knows Something We Don't Know or Who Knows Something We Shall Know?

Ropot Ruslan M., Associate Professor of the Department of Forensic Examinations of the Investigative and Expert Faculty of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, PhD (Law), Associate Professor

Rubis Aleksandr S., Professor of the Department of Criminal Procedure of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, LL.D., Professor

Ни одна из этих парадигм, по нашему мнению, не может считаться верной, поскольку так или иначе порождает проблемы, которые не способствуют повышению эффективности использования специальных знаний в судопроизводстве. Это, прежде всего, вопросы оценки достоверности заключения эксперта и экспертных ошибок, тактические особенности допроса эксперта, проблемы экспертной инициативы, критерии обязательности назначения судебных экспертиз, вопросы процессуального статуса и полномочий руководителя экспертной организации и пр.

Эти важные и одновременно проблемные вопросы теории доказательств в целом, равно как и судебной экспертологии в частности, остро актуальны, поскольку пронизывают всю уголовно-процессуальную деятельность по доказыванию, являются отчасти ее стержнем и содержанием. Анализируя это содержание, нельзя не отметить, что современное развитие научных знаний не может не отражаться на судебно-экспертных технологиях, которые, в свою очередь, обязательно должны быть интегрированы в процесс доказывания. И что очень важно — в практической деятельности по осуществлению доказывания оба вида деятельности должны детерминировать друг друга.

Представляется, что давно назрела необходимость разумного совмещения судебно-экспертных и следственных технологий, их взаимопроникновения и взаиморазвития, бесспорно, без ущемления процессуальной самостоятельности и независимости участников доказывания. Интеграция поисково-познавательной деятельности следователя и эксперта позволит наделить субъектов доказывания возможностью реального оперирования научно-практическим аппаратом и методологическим ресурсом судебной экспертологии в целях повышения эффективности расследования преступлений. Разработка единых взаимообусловленных алгоритмов деятельности, т.е. интегрирование в тактику и методику процессов доказывания научного инструментария, технологий современных судебно-экспертных исследований, откроет новые возможности для следователя в целях гарантированного обнаружения максимально возможного объема следственной информации.

При всей кажущейся очевидности это не вопросы схоластики, а прикладные, обусловленные практикой правоприменения проблемы. От их решения зависит содержание алгоритма деятельности эксперта при проведении экспертизы, своевременность проявления им экспертной инициативы, полнота и всесторонность исследования, достоверность выводов и т.д.

Повторимся, формально вопрос решается просто — все процедуры прописаны в процессуальном законодательстве и нормативных актах, регулирующих судебно-экспертную деятельность. Однако нередко случается, когда следователь не знаком с технологиями судебно-экспертных исследований, а эксперт в силу самых различных причин и обстоятельств относится к своим обязанностям чисто формально, безынициативно, строго в рамках предписанных инструкций. В результате снижаются темп и эффективность расследования.

Обозначенные вопросы обуславливают необходимость формирования четких критериев оценки экспертом тех информационно-источников, которые он обязан анализировать при подготовке и в ходе экспертных исследований. В данном случае речь идет не столько о непосредственных объектах исследования, сколько о материалах дела, которые имеются в распоряжении экс-

перта, и сведениях, которые содержатся в процессуально значимых документах.

Именно от правильного решения указанных выше вопросов зависит оценка результатов работы эксперта. В совокупности это позволяет субъекту доказывания использовать только те добытые экспертом фактические данные, которые могут быть должным образом оценены на предмет относимости, допустимости, достаточности и, самое главное — достоверности. Только так можно найти ответ на вопрос, вынесенный в заголовок статьи.

Мы должны обратить внимание на гносеологический аспект независимости и самостоятельности эксперта. Независимость предполагает, что эксперт использует наиболее адекватную исследуемой ситуации теоретическую конструкцию, если она в самой экономной своей формулировке соответствует имеющимся фактам при обязательном соблюдении известных методологических принципов. Объективность экспертного исследования обусловлена процессом перехода действительности в знание, который в современной философской науке представлен тремя подходами: классическим, неклассическим и постнеклассическим³.

Классический подход предполагает наличие экспериментально установленного соответствия знания об объектах им самим, благодаря строгому следованию методу познания и все более совершенным средствам измерения⁴. При этом познающий субъект (эксперт), а также влияние средств и операций познания исключается, выводится за скобки как самого исследования, так и полученного результата.

Отстраненно созерцательная позиция «абсолютного наблюдателя», в силу которой «минусуется» его научно-мировоззренческая, правовая и пр. точки зрения, в сочетании с задачей познания — описание объектов такими, какие они есть «сами по себе», привела к тому, что функция объективности делегировалась исключительно ученому, который стал обладать монополией на истину. Представляется, что именно такой подход породил понятие об эксперте как о «научном судье».

Мифическое создание единственно правильного метода исследования и сегодня оказывает влияние на представление о научном познании в области судебной экспертологии. Объективность в таком понимании является соответствием фактам, полученным с помощью «единственно верного» научного метода. В целом классическая парадигма познания соответствует представлениям законодателя об экспертизе как холодно-беспристрастном явлении, производящем некие научно обоснованные таинства, в ходе которых появляются новые доказательства⁵.

В рамках неклассического подхода сформировались представления о субъективности знания, когда познающий является частью мира, понимает и переживает его индивидуально. Отсюда множественность методов исследования и описаний реальности, их взаимодополняемость, возможность появления нового знания в результате исследования методического обеспечения познания.

Постнеклассическое понимание объективности ввело в процесс добывания знания технологический компонент, предусматривающий, к примеру, требования об обязательной аттестации (верификации, валидации) и государственной регистрации экспертных методик. Значительное внимание стало уделяться вопросам логики экспертного познания, интуиции эксперта, формированию его внутреннего убеждения, психологическим особенностям деятельности, экспертной инициативе, иссле-

дованию экспертных ошибок и основанных на их анализе тактике допроса эксперта на предмет достоверности его исследований и пр.⁶

По сути, рассмотрение указанных вопросов необходимо в целях установления объективности, достаточности и достоверности «перевода» экспертом, если можно так выразиться, действительности в знание. При этом добытые экспертом сведения о фактах становятся таковыми только в случае признания их достоверности, что необходимо для принятия процессуально значимых решений.

Вопрос только в том, как и каким образом можно установить критерии определения достоверности, достаточной для использования добытой экспертом информации в доказывании? Как сам эксперт определяет эти критерии? Для ответа на этот вопрос важно проследить, как, собственно, происходит процесс «перевода действительности в знание».

Здесь надо учитывать, что обстоятельства и объекты, которые исследуются экспертом с целью установления новых фактических данных, не являются однородной структурой. Можно выделить три «слоя» информации, образующей исследуемый экспертом факт. Этот факт существует: 1) как часть реальности; 2) как результат отражения в показаниях свидетелей, потерпевших, обвиняемых и т.п.; 3) как результат интерпретаций лица (органа), назначившего экспертизу. Все эти три «слоя» информации являются фактами «первого порядка». Они воспринимаются экспертом как единый овеществленный объект познания. При этом при построении модели своей работы по изучению этого объекта эксперт сталкивается с рядом проблем.

Эксперт исследует событие прошлого, он не может лично наблюдать исходные данные, отражающие следовую картину механизма случившегося, в силу чего он вынужден моделировать ее, исходя из тех материалов и объектов, которые имеются у него в наличии. Он из фактов «первого порядка» выбирает те сведения, которые ему будут необходимы для проведения исследования. Оценка информации, содержащейся в фактах «первого порядка», — очень важная часть поисково-познавательной деятельности эксперта для построения модели своей дальнейшей работы. Выводы эксперта в значительной степени будут обусловлены указанными выше обстоятельствами, связанными с отбором и анализом фактологического материала для исследования. Только при условии учета экспертом всей совокупности данных «первого порядка» возможно достоверное установление новых данных — фактов «второго порядка», которые, в свою очередь, служат для эксперта фундаментом для формулирования объективных выводов.

Но что делать эксперту, если, проводя исследование, он приходит к выводу, что следователь в силу ряда причин идет ложным путем либо плохо знает возможности судебно-экспертных исследований, или эксперт обратил внимание на ряд важнейших обстоятельств, которые можно было бы использовать в дальнейшем доказывании? Формально исполняя свои обязанности, эксперт может ничего не делать и дать малоинформативное с точки зрения достижения целей доказывания заключение.

Здесь еще раз следует подчеркнуть, что деятельность эксперта — не есть слепое и механическое выполнение имеющихся методических указаний. Она должна носить выраженный поисково-познавательный, эвристический по отношению к целям доказывания характер. Это и выбор методов, способов решения поставленных задач, проявление экспертной инициативы, заявление необхо-

димых ходатайств и т.д. Следовательно, можно говорить о тактических приемах, т.е. о тактике судебно-экспертной деятельности. Именно от комплекса тактических мероприятий и действий эксперта зависит решение поставленных перед ним задач.

Бесспорно, эксперт не может и не должен заменять следователя в отыскании доказательств. Но в рамках представленных ему на исследование объектов эксперт обязан осуществлять максимально эффективную деятельность, направленную на обнаружение, изучение и фиксацию сведений, имеющих значение для дела. Исследуя, к примеру, факты «первого порядка», эксперт в любом случае проводит оценку имеющихся фактических данных. От этого зависит тактика его дальнейшей деятельности — истребование дополнительных материалов, проведение экспертного эксперимента и т.д. Если эксперт придет к выводу, что имеющиеся в деле данные, которые он может или должен использовать в своих исследованиях, добыты незаконным путем или недостоверны, он не может не реагировать на это. Более того, по нашему мнению, он должен реагировать. Это значит, что деятельности судебного эксперта присуща своя экспертная тактика, реализуемая экспертом каждый раз по-новому в соответствии со сложившейся следственной и, соответственно, судебно-экспертной ситуацией.

Литература

1. Аристотель. Топика // Аристотель. Сочинение. В 4 томах. Т. 2. Москва : Мысль, 1978. С. 347–531.
2. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах / Л.Е. Владимиров. Санкт-Петербург : Законоведение, 1910. 331 с.
3. Комиссарова Я.В. Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве: теория и практика / Я.В. Комиссарова. Москва : Юрлитинформ, 2014. 368 с.
4. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая / В.А. Лекторский. Москва : Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.
5. Нестеров А.В. О зарождении и развитии некоторых категорий экспертизы / А.В. Нестеров // Эксперт-криминалист. 2012. № 2. С. 20–24.
6. Омелянюк Г.Г. Возможности аккредитации и обеспечения единства измерений в судебно-экспертных учреждениях Минюста России / Г.Г. Омелянюк // Эксперт-криминалист. 2011. № 4. С. 20–23.
7. Петрухин И.Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе / И.Л. Петрухин. Москва : Юридическая литература, 1964. 264 с.
8. Седнев В.В. Гносеологический анализ независимости и объективности судебного эксперта / В.В. Седнев // Криміналістичний вісник. 2010. № 1 (13). С. 19–28.

¹ Петрухин И.Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. М., 1964. С. 11.

² Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. СПб., 1910. С. 197–198.

³ Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С. 16.

⁴ Аристотель. Топика // Аристотель. Сочинение : в 4 т. М., 1978. Т. 2. С. 347–531.

⁵ Седнев В.В. Гносеологический анализ независимости и объективности судебного эксперта // Криміналістичний вісник. 2010. № 1 (13). С. 19–28.

⁶ См., напр.: Омелянюк Г.Г. Возможности аккредитации и обеспечения единства измерений в судебно-экспертных учреждениях Минюста России // Эксперт-криминалист. 2011. № 4. С. 20–23; Нестеров А.В. О зарождении и развитии некоторых категорий экспертизы // Эксперт-криминалист. 2012. № 2. С. 20–24; Комиссарова Я.В. Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве: теория и практика. М., 2014.

Результаты проверки эффективности новой государственной политики Республики Беларусь в сфере судебно-экспертной деятельности*

Швед Андрей Иванович,

Председатель Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент
sudexpertiza@sudexpert.gov.by

В статье рассматриваются вопросы реализации централизованной государственной политики в сфере судебной экспертизы в Республике Беларусь. Характеризуются предпосылки объединения экспертных организаций. Подчеркивается, что в условиях разобщенных ведомственных экспертных организаций координация их деятельности затруднена. На основе статистических данных обосновывается большая роль государства в организации судебно-экспертного обеспечения судопроизводства и преимущества новой политики. Отмечается, что новая политика в сфере судебной экспертизы позволяет оптимизировать использование кадровых, финансовых ресурсов, обеспечивает доступность и территориальную близость экспертов к потребителям их услуг. Указывается ряд недостатков коммерческого сектора судебно-экспертной деятельности, не позволяющих в полном объеме удовлетворять потребности правоохранительных органов.

Ключевые слова: судебно-экспертная деятельность, государственная политика в сфере судебно-экспертной деятельности, централизация судебно-экспертной деятельности.

The article considers the issues of the centralized state policy implementation in the field of forensic examination in the Republic of Belarus. The author described prerequisites for merging of the forensic examiners organizations. It is noted that under the conditions of departmental expert organizations fragmentation, coordination of their activities is impeded. The important role of the state in organizing forensic support of legal proceedings and advantages of the new policy are substantiated based on the statistical data. The author points out that the new policy in the field of forensic examination allows to optimize the usage of human and financial resources, ensures accessibility and territorial proximity of forensic examiners to consumers of their services. The author also observes a number of shortcomings existing in the commercial sector of forensic activity which do not allow to fully satisfy the needs of law enforcement agencies.

Keywords: forensic examination, forensic activity, state policy in the field of forensic examination, forensic activity centralization.

Уже в 50-е гг. прошлого века в СССР появились первые публикации с предложениями объединить судебно-экспертные учреждения в одно ведомство. В частности, А.Р. Шляхов, оценивая ситуацию с созданием ведомственных экспертных служб в СССР и союзных республиках, отмечал, что «существование ряда параллельно действующих учреждений судебной экспертизы является неэффективным», и предложил создать единую систему судебно-экспертных учреждений¹. На параллелизм, как главную проблему в судебно-экспертной деятельности (далее — СЭД), в 1966 г. указывал С. Митричев². Впоследствии идея объединения судебно-экспертных служб поддерживалась в публикациях В.И. Гончаренко, А.В. Дулова, С.А. Смирновой, Е.М. Поповича, Я.В. Комиссаровой, А.А. Исаева, А.В. Кудрявцевой, А.А. Мохова, Ф.Г. Аминова, В.М. Быкова³ и других авторов. Однако на практике оценить последствия такого объединения долгое время не представлялось возможным.

В настоящее время можно утверждать, что апробация централизованной модели организации СЭД успешно прошла в Республике Беларусь. С 1 июля 2013 г. в Беларуси реализуется централизованная государственная политика в сфере СЭД с государственным администрированием коммерческой СЭД. Она прошла проверку временем и дает возможность оценить эффективность централизации СЭД.

Необходимо отметить, что наряду с государственным органом — регулятором в сфере СЭД в лице Госу-

дарственного комитета судебных экспертиз в Республике Беларусь создана единая инфраструктура, основу которой составляют подчиненные Государственному комитету судебных экспертиз организации научно-исследовательского, образовательного и производственного профиля. Инфраструктура обеспечивает инновационное развитие СЭД за счет разработки новых, более эффективных экспертных технологий, освоение экспертами современных методов и методик экспертного исследования, обеспечение СЭД научно-технической продукцией отечественного производства.

Объединение потенциала различных экспертных учреждений позволило существенно повысить уровень судебно-экспертного сопровождения судопроизводства и решить хронические проблемы, в том числе оперативности проведения экспертиз. Подтверждена также экономическая эффективность принятых мер. Деятельность Государственного комитета судебных экспертиз за счет проведенных мероприятий по оптимизации штатов, рациональному расходованию денежных средств только в первый год работы нового ведомства позволила сэкономить бюджету страны значительные финансовые средства и тем самым получить дополнительные источники финансирования для технического оснащения экспертных подразделений.

С момента начала функционирования нового государственного органа была проведена масштабная работа по завершению в кратчайшие сроки производства неисполненных судебных экспертиз (более 18 тыс.),

* Results of the Verification of Efficiency of the New State Policy of the Republic of Belarus in Forensic Activities

Shved Andrey I., Chairperson of the State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus, PhD (Law), Associate Professor

накопившихся в течение нескольких предшествующих лет и переданных на 1 июля 2013 г. из учреждений (подразделений), на базе которых создавался Государственный комитет судебных экспертиз. Очевидно, что дореформенная система ведомственных судебно-экспертных учреждений была уже не в состоянии обеспечить текущую потребность правоохранительных органов и судов в производстве даже судебных экспертиз, наиболее востребованных для разрешения материалов и уголовных дел.

Практика ярко демонстрирует, что в сфере СЭД к настоящему моменту государственным судебно-экспертным организациям альтернативы нет. Очевидно, что стихийным образом, без участия государства и только на коммерческой основе организовать эффективное судебно-экспертное обеспечение судопроизводства невозможно. Для демонстрации этого полезно сопоставить основные показатели работы государственного и коммерческого сектора СЭД.

Наблюдается недостаточная экономическая привлекательность коммерческой СЭД по отдельным направлениям. Приоритетными для коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей являются те виды экспертиз, которые менее затратны с точки зрения необходимого оборудования и расходных материалов. К таким экспертизам относятся экспертизы по вопросам оценки стоимости объектов гражданских прав, а также отдельные виды технических экспертиз (товароведческие, автороведческие, строительно-технические, экономические). Согласно отчетности, на их долю приходится 98,3% всех экспертиз, проведенных организациями и индивидуальными предпринимателями, имеющими лицензию на право осуществления СЭД. Структура видов экспертиз, проводимых экспертами Государственного комитета судебных экспертиз, иная: почти 79% экспертиз приходится на те виды, которые не осуществляют обладатели лицензий на право ведения СЭД. Это медицинские (53,6% от общего количества) и криминалистические (25,3%) экспертизы.

В системе Государственного комитета судебных экспертиз наибольшее количество экспертных исследований проводится в территориальных органах, что возможно только при наличии развитой региональной сети. Для сравнения, эксперты негосударственного сектора сконцентрированы в основном в столичном регионе, где находятся более 50% всех экспертов, действующих в рамках лицензии на право осуществления СЭД. Как видно из статистических данных, обеспечить территориальные органы Следственного комитета Республики Беларусь, суды, органы внутренних дел экспертной помощью на основе рыночных механизмов за счет негосударственных экспертных организаций (иными словами, в рамках политики невмешательства государства) невозможно. В этом вопросе защита публичных интересов по-прежнему находится в области задач государства.

Наибольшее количество экспертных исследований проведено для подразделений Следственного комитета Республики Беларусь — 57,4% (от всех проведенных) и органов внутренних дел — 37,1%. Для судов проведено 2% экспертных исследований, для граждан, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц — 2,1%, иных органов и организаций — 1,3%. Иначе рас-

пределены инициаторы в негосударственном секторе СЭД. На Следственный комитет Республики Беларусь и суды здесь приходится, соответственно, 10,2% и 22,2%. Это объясняется тем, что инициаторы в рамках уголовных и административных дел обеспечены бесплатной экспертной помощью следовательно обращения по таким экспертизам к субъектам коммерческой СЭД уже не носят массовый характер.

К моменту образования Государственного комитета судебных экспертиз имелся ряд проблемных видов экспертиз, сроки проведения которых до 2013 г. исчислялись месяцами: на производство компьютерно-технических уходило до 10–12 месяцев, экспертизы радиоэлектронных устройств — 5–6 месяцев, экономических — 8–9 месяцев, строительно-технических — от 7 до 18 месяцев, товароведческих и автороведческих — 3–5 месяцев.

В этой связи в качестве первоочередных мер было принято решение о создании соответствующих экспертных подразделений по наиболее востребованным видам экспертиз не только в центральном аппарате, но и во всех областях республики. С 2014 г. успешно реализована программа построения трехуровневой системы таких исследований: центральный аппарат — область — крупные межрайонные отделы.

Для решения хронических проблем потребовалось увеличить штат экспертных подразделений (за счет внутренних резервов объединенной структуры). Организационные изменения в структуре СЭД впервые в республике позволили организовать проведение во всех областях и г. Минске фоноскопических, экономических, строительно-технических, товароведческих и автороведческих экспертиз, экспертиз радиоэлектронных устройств. Многие из этих видов экспертиз стали проводиться в районных и межрайонных подразделениях, что обеспечило возможность неотложного выполнения необходимых экспертных исследований в целях решения задач территориальных органов правоохранительных органов.

Свою положительную роль сыграла организация подготовки экспертов в государственном учреждении «Институт повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь». Для этого потребовалось обеспечить разработку новых специальностей переподготовки, учебно-программной документации и учебной литературы, провести обучение. Возможность организации группового обучения, как альтернативы индивидуальной подготовке в форме стажировки, позволила в короткие сроки увеличить штат подразделений фоноскопической экспертизы на 55%, компьютерно-технической экспертизы и экспертизы радиоэлектронных устройств — на 300%, строительно-технической экспертизы — на 150%, товароведческой и автороведческой экспертизы — на 300%.

Консолидация материально-технических ресурсов обеспечила повышение объема расходов на наиболее ответственные направления: техническое оснащение лабораторий по направлениям фоноскопических экспертиз (дооснащение 34 автоматизированными рабочими местами, приобретение 16 новых аппаратно-программных комплексов на сумму более 445 тыс. бел. руб.), компьютерно-технических экспертиз (оснащение новым оборудованием на сумму более

1140 тыс. бел. руб.), экспертиз радиоэлектронных устройств (приобретено оборудование на сумму более 1100 тыс. бел. руб.), что, несомненно, положительно отразилось на развитии и совершенствовании указанных видов экспертиз. Необходимо отметить, что речь идет не о выделении дополнительного финансирования из бюджета, а о централизации ресурсов, которые ранее расплывались и использовались недостаточно эффективно в условиях раздробленной ведомственной системы.

В 2018 г. в срок до 30 дней выполнялись 100% экспертиз радиотехнических устройств, 99,96% компьютерно-технических, 99,9% автороведческих, 99,7% товароведческих, 98,3% строительно-технических, 98,2% экономических, 95,9% фоноскопических экспертиз.

В коммерческом секторе интенсификации СЭД по указанным видам не наблюдалось. Наоборот, отмечено некоторое снижение объемов работ, что объясняется снижением спроса, обусловленного повышением уровня доступности судебно-экспертного обеспечения в государственном секторе СЭД. Фоноскопические экспертизы в частном секторе СЭД оказались не востребованы. Их до настоящего времени не проводит ни один коммерческий субъект СЭД.

Очевидно, что подобного рода меры могли быть оперативно реализованы только в условиях единой централизованной системы государственных органов, которая обладает достаточными ресурсами. До 2013 г. ни одно из существовавших экспертных учреждений не было в состоянии справиться с этой задачей. Важно также отметить, что улучшение показателей сроков выполнения экспертиз обусловлено не только и не столько увеличением затрат, сколько наличием системы эффективного централизованного распределения ресурсов и комплексного единого управления процессами организации и производства судебных экспертиз.

Надо сказать, что по отдельным видам экспертиз число поступающих для исполнения постановлений (определений) с 2013 по 2019 г. увеличилось в разы (например, по компьютерно-техническим — в три раза, по товароведческим — в семь раз, радиоэлектронных устройств — в восемь раз). На фоне общей тенденции уменьшения числа зарегистрированных преступлений и уголовных дел их количество продолжает увеличиваться. Действующая в Республике Беларусь система СЭД успешно обеспечивает растущие потребности в судебно-экспертном обеспечении судопроизводства.

Таким образом, по результатам анализа практической апробации новой государственной политики в сфере СЭД в Республике Беларусь можно сделать вывод о преимуществе централизованной модели организации СЭД в сравнении с традиционной децентрализованной.

Литература

1. Быков В. Новый УПК требует создания независимого комитета судебной экспертизы / В. Быков // Российская юстиция. 2003. № 11. С. 29–31.
2. Комиссарова Я.В. Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве: теория и практика : монография / Я.В. Комиссарова. Москва : Юрлитинформ, 2014. 365 с.
3. Митричев С. Криминалистика и криминалистическая экспертиза / С. Митричев // Социалистическая законность. 1966. № 5. С. 13–15.
4. Мохов А.А. К вопросу о создании Агентства экспертных исследований / А.А. Мохов // Эксперт-криминалист. 2008. № 3. С. 6–8.
5. Попович Є.М. Незалежність і партнерство експертної установи як об'єктивна умова її функціонування / Є.М. Попович // Теорія та практика судової експертизи і криміналістики : збірник наукових праць. Вип. 17 / редакційна колегія О.М. Ключев, В.Ю. Шепітько [та ін.]. Харків : Право, 2017. С. 172–178.
6. Смирнова С.А. Судебная экспертиза на рубеже XXI века: состояние, развитие, проблемы / С.А. Смирнова. 2-е изд., доп. и перераб. Санкт-Петербург : Питер : Питер принт, 2004. 874 с.
7. Шляхов А.Р. За единую систему судебных экспертных учреждений / А.Р. Шляхов // Советская юстиция. 1959. № 11. С. 54–56.

¹ Шляхов А.Р. За единую систему судебных экспертных учреждений // Советская юстиция. 1959. № 11. С. 55.

² Митричев С. Криминалистика и криминалистическая экспертиза // Социалистическая законность. 1966. № 5. С. 15.

³ См., напр.: Быков В. Новый УПК требует создания независимого комитета судебной экспертизы // Российская юстиция. 2003. № 11. С. 29–31; Смирнова С.А. Судебная экспертиза на рубеже XXI века: состояние, развитие, проблемы. 2-е изд., доп. и перераб. СПб. : Питер : Питер принт, 2004; Мохов А.А. К вопросу о создании Агентства экспертных исследований // Эксперт-криминалист. 2008. № 3. С. 6–8; Комиссарова Я.В. Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве: теория и практика : монография. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 102–103; Попович Є.М. Незалежність і партнерство експертної установи як об'єктивна умова її функціонування // Теорія та практика судової експертизи і криміналістики : збірник наукових праць. Вип. 17 / ред. кол. О.М. Ключев, В.Ю. Шепітько та ін. Харків : Право, 2017. С. 172–178.

Уважаемые авторы!

Для оформления заказа на приобретение одного и/или нескольких печатных экземпляров журнала с опубликованной статьей просим вас при получении уведомления о включении вашей статьи в содержание журнала обратиться в авторский отдел по телефону: +8 (495) 953-91-08, или по электронной почте: avtor@lawinfo.ru.

Рецензия на монографию **В.В. Яровенко, Н.Н. Китаева, Р.Г. Ардашева** **«Дактилоскопическое и дерматоглифическое** **исследование папиллярных узоров серийных убийц»** **(Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2020. 232 с.)**

Тема авторского исследования, с позиций криминалистики, чрезвычайно интересна и актуальна. Кроме того, работу отличает научная новизна. Во-первых, на основе анализа научных публикаций, материалов уголовных дел, дактилоскопических карт 95 серийных убийц авторы пришли к выводу, что папиллярные узоры серийных убийц относятся к норме. Во-вторых, не установлено, что имеющееся сходство отдельных признаков узоров (тип, вид, дельтовый индекс) является маркером генетической склонности к насильственным преступлениям. В-третьих, впервые опубликованы дактилоскопические карты конкретных лиц, которые имеют большую ценность для дальнейших научных исследований папиллярных узоров в целях установления возможных маркеров поведения.

В первой главе обозначены теоретические основы исследования папиллярных узоров серийных убийц. Авторы справедливо отмечают, что не следует ставить знак равенства между серийными убийцами и маньяками, поскольку маньяк может совершать не убийства, а иные действия, например, поджоги.

Серийные убийства совершают лица с повышенной агрессивностью. Она может быть вызвана генетическими особенностями организма человека, которые, в свою очередь, могут найти отражение в узорах гребешковой кожи кистей рук. Дерматоглифика, в отличие от дактилоскопии, изучает влияние на морфологию, внешнее строение кожи человека, внутренней среды (эндокринной, иммунной системами и т.д.) организма, а также национальных, расовых, географических и иных факторов. Дерматоглифическая характеристика папиллярного узора важна для построения поискового портрета преступника, определения его возможных свойств. Безусловно, такого рода исследование, проводимое по инициативе следователя или дознавателя, должно быть комплексным.

Во второй главе монографии дана характеристика 55 серийных убийц, совершивших преступления по сексуальным мотивам. Авторы правильно обращают внимание на трудности, повлиявшие на эффективность работы правоохранительных органов: задерживали невиновных, обращались за помощью к гадалкам и экстрасенсам, объявляли вознаграждения, составляли фотороботы, не соответствующие реальности. Успешное расследование всех этих убийств было осуществлено путем применения научных приемов и средств криминалистики.

Так, характер изнасилований, совершенных Седых, был извращенным. Поэтому оперативники ходили по видеосалонам и собирали данные на всех, кто брал напрокат или покупал кассеты с эротическими или порнофиль-

мами по особой тематике. Среди посетителей числился и Седых. В качестве доказательств по ряду дел были предъявлены различные записи преступников, дневник-таблица, «Малый атлас СССР», киноплёнки и фотографии о совершенных преступлениях. При установлении сходства мотивов поведения и способа совершения убийства все эпизоды объединялись в одно дело.

Проведенный авторами анализ биографий серийных убийц показал, что преступники были разного возраста, имели различный образовательный уровень и профессии, способы совершения убийств и характеристики потерпевших также различались, что не позволяет установить закономерности преступного поведения. Исследование папиллярных узоров на дактилоскопических картах показало отсутствие характерных особенностей на пальцах рук совершавших убийства по сексуальным мотивам, которые можно было бы использовать в качестве маркера преступного поведения. Так, из 55 убийц дельтовый индекс 16 (как у Чикатило) имели только двое, но у них другое сочетание узоров. Самый распространенный дельтовый индекс 13 имели восемь, дельтовый индекс 10 — шесть, дельтовый индекс 11 — пять человек.

Третья глава работы посвящена характеристике 19 преступников, совершивших серийные убийства по хулиганским и иным мотивам, когда зачастую отсутствовали логика и смысл. Авторы обращают внимание на отдельные тактические особенности раскрытия и расследования этих преступлений.

Так, залогом успеха при расследовании убийств, совершенных Ворошиловым, стало изъятие оперативным путем образцов микрочастиц с обнаруженных вещей преступника и четырех подозреваемых. Среди особенностей характера Ворошилова были отмечены: эгоцентричность, ориентация на собственные интересы и потребности, категоричность в суждениях и оценках, критичное и недоброжелательное отношение к окружающим.

Самым молодым серийным убийцей, совершившим преступление из хулиганских побуждений, является Писчиков. На момент задержания ему было 19 лет. Он признался в совершении 14 убийств. Во время следственных экспериментов детально показывал, как убивал пенсионеров топором, куда падали жертвы, где прятал трупы. Притворялся невменяемым, пространно поведав о голосах в голове и тенях перед глазами, но симуляцию разоблачили во время судебно-психиатрической экспертизы.

Авторы, как и в предыдущей главе, отмечают, что преступники отличались по возрасту, образовательному уровню, профессии, выбирали разных потерпевших, способы совершения убийств. Особенности папиллярных

узоров преступников, совершивших серийные убийства по хулиганским и иным мотивам, не установлено. Дельтовый индекс 16, как у Чикатило, был лишь у одного убийцы. Однако при равных дельтовых индексах узоры имеют разную типовую комбинацию.

В четвертой главе представлены характеристики 16 преступников, мужчин и женщин, совершивших серийные убийства по корыстным мотивам. При сопоставлении данных убийств с другими было установлено как сходство способов их совершения, так и наличие некоторых отличий. Отдельные преступники, совершая убийства по корыстным мотивам, выбирали в качестве потерпевших престарелых граждан, не способных оказать сопротивление. Ими руководила идея наживы.

Так, продуманными и изощренными были убийства, совершенные Петровым. Потерпевшие в силу своего возраста не могли вспомнить детально облик врача-преступника. На допросах Петров повторял, что попался совершенно случайно, ведь он придумал идеальную схему, которая ни при каких обстоятельствах не могла дать сбой. У оперативников смерть пожилых людей обычно не вызывает профессионального интереса, поскольку они умирают по причинам, вызванным возрастными изменениями.

Авторы приводят редкие для науки сведения о Гайдамачук, которая в течение восьми лет убила 17 пенсионеров в возрасте от 61 до 86 лет, что вывело ее на печальное первое место среди женщин современности, как совершившую убийств больше, чем совершали другие. Она действовала расчетливо: убивала потерпевших молотком, после чего меняла свою внешность и уничтожала следы преступлений. Судебно-психиатрическая экспертиза показала, что Гайдамачук имеет определенные отклонения в психике, но невменяемой в целом считаться не может.

В выводах по главе авторы отметили, что из-за низкого качества отпечатков узоров на дактилоскопических картах не удалось выполнить гребневой счет, который относится к дерматоглифическим признакам. Имеющиеся совпадения нельзя считать закономерностью не только из-за малого числа предоставленных дактилоскопических карт, но и из-за невозможности исследования других дерматоглифических признаков по причине отсутствия контрольных оттисков ладоней. Ни у кого из преступников не было выявлено совпадений дерматоглифических признаков с Чикатило (тип папиллярного узора, асимметрия на одноименных пальцах рук, дельтовый индекс).

Пятая, заключительная глава работы посвящена характеристике пяти преступников, совершивших безмотивные серийные убийства. Здесь, как и предыдущих главах, обращено внимание на проблемные аспекты расследования, которое отсутствие какого-либо мотива дополнительно осложняет.

Сами преступники не смогли прояснить ситуацию. Так, Геранков признал свою причастность к совершению девяти убийств немощных стариков и старух, но объяснить их мотивы не смог. Если Геранков убивал пожилых, то Драганер совершал убийства молодых людей. Одной из девушек он нанес более 50 ножевых ранений. При этом он никогда не насиловал и не грабил своих жертв, забирал некоторые вещи (например, украшения) лишь в качестве трофеев.

Причиной совершения таких убийств могут быть нарушения психики, вызванные просмотром сцен с насилием. Примером является преступник Петросян, у которого проблемы с психикой начались в подростковом возрасте.

Авторы отмечают, что в число серийных убийц, но не маньяков, может попасть и законопослушный гражданин. Так, Молоков, обозлившись на неправомерные действия потерпевших, достал табельный пистолет Макарова и убил на месте четырех человек. Предварительная проверка показала, что оружие было применено правомерно, поскольку на Молокова напали. Жалобы родственников убитых в Генеральную прокуратуру РФ привели к длительному расследованию, по итогам которого 26 ноября 1998 г. Липецкий областной суд приговорил Молокова к 25 годам лишения свободы.

По мнению криминалистов, расследование именно таких внешне простых дел помогает глубже исследовать причины появления серийных убийц.

Авторы провели анализ биографических данных, а также типов и видов папиллярных узоров, дактилоскопических формул, распределения узоров, наличия либо отсутствия симметрии одного и того же типа узора на одноименных пальцах разных рук серийных убийц, сравнили дельтовый индекс. Совпадений дерматоглифических признаков с Чикатило обнаружено не было.

Надо отметить, что монография написана хорошим литературным языком, информация легко воспринимается. Это свидетельство того, что авторы свободно владеют материалом — глубоко и предметно исследуя папиллярные узоры, высказывают взвешенные суждения по одной из самых сложных проблем дактилоскопии.

Положительно оценивая работу, сделанную авторами, надо сказать, что часть вопросов осталась без ответа.

Авторы не в полном объеме исследовали дерматоглифические признаки папиллярных узоров, содержащихся в дактилоскопических картах. Они оставили без внимания гребневой счет, который используется в дактилоскопии при вычислении формул, а также минущии и дисплазии. Полагаем, что чем больше исследовано дерматоглифических признаков, тем больше возможность установить наличие или отсутствие характерных генетических особенностей предрасположенности к преступному поведению.

Не было проведено дерматоглифическое исследование папиллярных узоров контрольных оттисков ладоней на тех дактилоскопических картах, где они имелись. Отсутствует сравнительная характеристика дактилоскопических карт лиц, совершивших другие насильственные преступления против личности, например, изнасилования. Это очень интересный аспект. Возможно, в будущем авторы к этим вопросам вернуться.

Разумеется, высказанные замечания не ставят под сомнение авторскую концепцию, не умаляют ее существенную теоретическую и практическую значимость. Несомненно, монография будет полезна для тех, кто занимается проблемами дактилоскопии и дерматоглифики, а также заинтересует широкий круг читателей научным подходом к решению одной из загадок криминалистики.

Главный редактор федерального научно-практического журнала «Эксперт-криминалист»,

доцент кафедры криминалистики

Московского государственного университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

кандидат юридических наук, доцент

Я.В. Комиссарова